

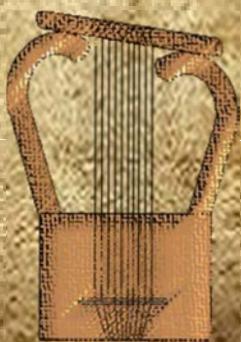
ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ШЕСТАЯ

ЕРАТО

БИБЛИОТЕКА «СКИТ ОТШЕЛЬНИКА»

THE
HISTORIES

HERODOTUS
OF HALICARNASSUS

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания
Г.А.Стратановского

Под общей редакцией
С.Л.Утченко

Редактор перевода
Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»
Историческое отделение
ГОРА «ОЛИМП»

2017

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), Б.Г.Вебер, М.Я.Гефтер,
А.А.Губер (председатель), А.В.Гулыга, В.М.Далин,
А.И.Данилов, И.С.Кан, М.В.Нечкина, С.А.Токарев,
С.О.Шмидт, Е.М.Штаерман.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла.

Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные памятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофона, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно поэтому и круг отбираемых трудов для серии

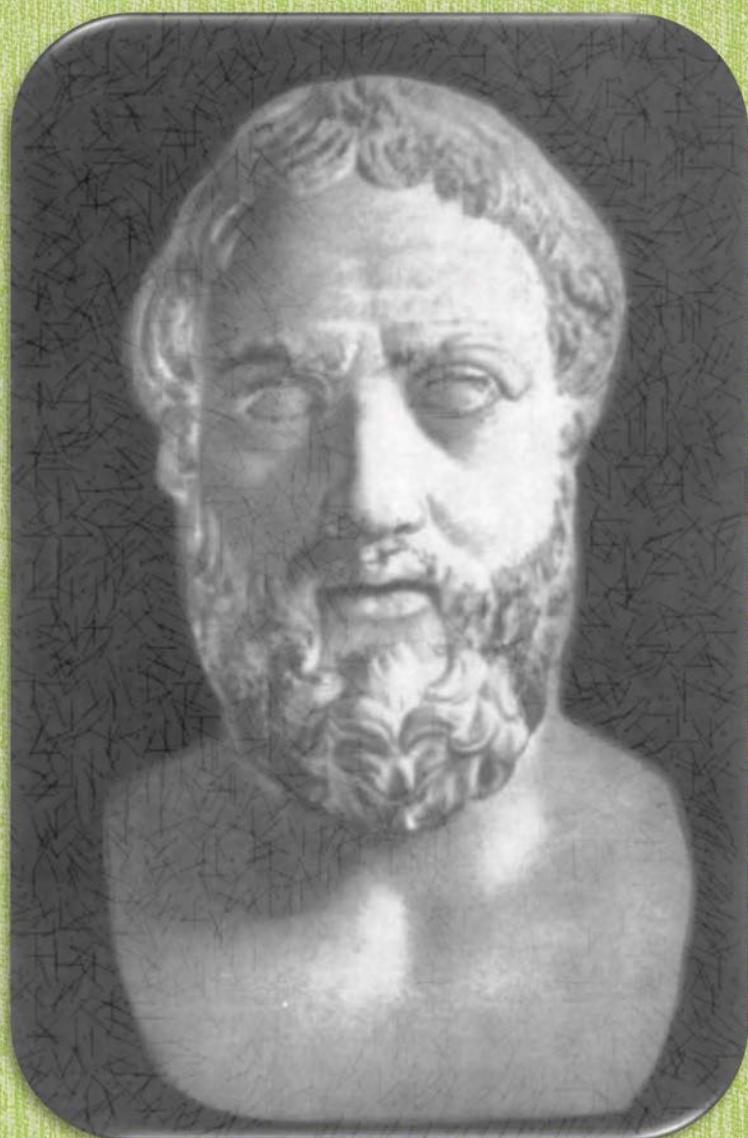
должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX-первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому – то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»

БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

484 ≈ Н.Э. - 426 ≈ Н.Э.

ИСТОРИЯ

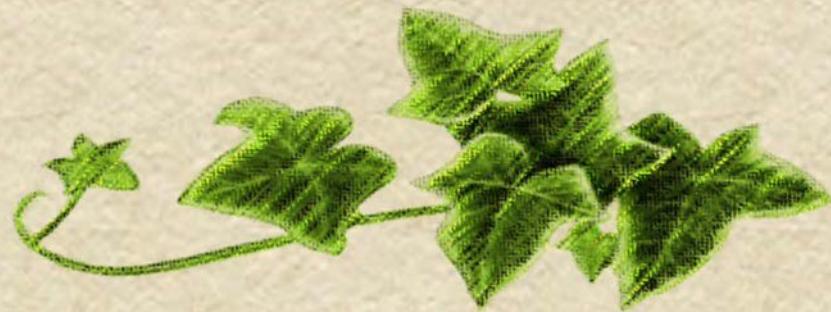
В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Эрато — в древнегреческой мифологии муз любовных песен.

Одна из девяти муз-сестёр, богинь наук и искусства. Дочь Зевса, бога грома и молнии, царя всех богов и людей и Мнемосины. Родила от Мала Клеофему. Согласно Диодору, получила имя от умения обученных становиться желанными для страсти и любви (элерастой). Её неизменными атрибутами были тамбурины и кифара. Часто её изображали совершенно обнажённой.

КНИГА ШЕСТАЯ
ГРАТО

ЭРАТО – МУЗА ЛЮБОВНОЙ ПОЭЗИИ.

Древнегреческие музы – покровительницы искусства и науки. Они вдохновляли на создание шедевров, помогали сосредоточиться на главном и ценном, видеть прекрасное даже в самых привычных и простых вещах. Одна из девяти сестёр, музя Эрато, была связана с любовной лирикой и свадебными песнями. Она вдохновляла на проявление и восхваление лучшего из чувств, учила бескорыстно отдаваться любви. Девять сестёр: музя Эрато, Клио, Мельпомена, Эвтерпа, Талия, Терпсихора, Каллиопа, Полигимния (Полимния) и Урания – покровительствовали каждая определённому виду искусств. Они дарили вдохновение тем, к кому благоволили, и жестоко наказывали всех, кто оскорблял или разочаровывал их. Любимцами муз были поэты, музыканты и танцоры, а также историки и астрономы. Живопись и скульптуру древние греки считали менее ценными и относили их к числу ремёсел.

Эрато, как и её восемь сестёр, считается дочерью Зевса и Мнемосины. С другими музами она любила водить хороводы вблизи гор и источников чистой воды. Местом обитания муз часто называют Парнас с Кастальским ключом у подножия или Геликон в том месте, где бьёт источник Иппокрены. У Эрато был возлюбленный Мал (из Эвпидавра), от которого она родила дочь Клеофему.

Эрато – музя любовной лирики. Конечно, она благоволила поэтам и романтикам, но это ещё не всё. Именно Эрато учила пылко и страстно говорить о любви, вдохновляла мужчин и женщин на откровенные признания. Само её имя говорит о связи музы и древнегреческого бога Эрота, сына Афродиты. Эрато учила радоваться, дарила любовь не только к мужчинам или женщинам, но к миру во всех многообразных проявлениях. Как и сёстры, она осуждала тщеславие и корысть, а покровительствовала

лишь тем, кто способен на истинные и глубокие чувства. Как уже было сказано, муз Эрато не любила тех, кто в чувствах, поэзии и браке искал лишь выгоду. Древние греки связывали её с чистотой, в том числе помыслов и духа. Нередко Эрато изображали в белых полупрозрачных одеждах. Её голову украшали розами. Греки верили, что муз Эрато способна подарить умение видеть во всём красоту, преобразовывать пространство вокруг себя, одухотворять его и наполнять радостью. Такое состояние знакомо всем влюблённым: каждый предмет и человек становится как-бы светящимся изнутри, из сердца льётся тёплый неудержимый поток и хочется творить.

Таким состоянием наполняет Эрато, музу любовных песен. Она помогает исцелить раны души и сердца, преобразует до неузнаваемости окружающий мир, наполняя его праздником и яркими красками. Эрато дарует способность говорить от сердца с чувством и проникновенно, а не копаться лихорадочно в голове в поисках очередного слова. Можно сказать, что муз свадебных песен учит любви как способу бытия, поэзии – как методу выражения мысли, вдохновению – как неиссякаемому источнику идей. Все древнегреческие мифы рассказывают о взаимопроникновении божественного и земного миров. Музы являются своего рода связующими звенями в этом процессе. Они наделяют простых людей частичками божественной силы, помогают им творить наравне с бессмертными олимпийцами.

Сегодня все девять спутниц Аполлона – дочери Зевса и Мнемосины, хорошо знакомы нам по огромному числу картин и скульптур, их изображающих. Музам и в наши дни поэты, художники и другие мастера не стесняются посвящать свои произведения. Безусловно, их привлекает красочность образа, а, возможно, они надеются, что и в современном мире полезно заручиться поддержкой столь древних и прекрасных богинь.

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Книга Шестая

ЭРАТО

1. Так-то Аристагор, поднявший восстание в Ионии, окончил свою жизнь [1]. Гистией же, тиран Милета, после освобождения его Дарием, прибыл в Сарды. По приезде Гистией из Сус Артафрен, сатрап Сард, спросил тирана: "Отчего, по его мнению, восстали ионяне?". А Гистией отвечал, что ничего не знает об этом и даже удивлен, как это ему, мол, ничего не было известно об этих событиях. Артафрен же, понимая, что тиран притворяется, так как том прекрасно знал истинную причину возмущения, сказал: "Смятежом дело обстоит, Гистией, вот как: сиил эту обувь ты, а надел ее Аристагор".

2. Так высказался Артафрен о восстании. Тогда Гистией в страхе, что Артафрен раскрыл его обман, в первую же ночь бежал к морю, обманув царя Дария. Тиран обещал подчинить царю громадный остров Сардон, а теперь пытался стать во главе ионян в войне против Дария. Когда Гистией прибыл на Хиос, хиосцы бросили его в оковы (они подозревали, что тиран по поручению Дария замышляет переворот в городе). Впрочем, узнав затем о действительном положении дел, хиосцы освободили тирана.

3. Тогда ионяне спросили Гистиля, почему же он так настойчиво побуждал Аристагора восстать против царя и этим навлек страшную беду на ионян. Гистией скрыл от них истинную причину мятежа, но объявил, что царь Дарий задумал выселить финикиян с родины и поселить в Ионии, а ионян – в Финикии. Поэтому то он и побудил ионян восстать [2]. Хотя царь был далек от подобных планов, но Гистией желал этим только напугать ионян.

4. Затем Гистией отправил в Сарды (через вестника некоего Герминна из Амарнея) послания к персам, с которыми уже раньше

сговорился о восстании. Однако Герминн не вручил посланий тем, кому они были направлены, но отнес и отдал их Артафрену. Артафрен же, узнав обо всем этом, приказал Герминну отдать послания тем, кому было поручено, а ответ персов отвезти Гистиесю. Когда эти замыслы были, таким образом раскрыты, Артафрен приказал казнить многих персов [3].

 5. Итак, в Сардах началось смятение. Расчеты же Гистиеся (на восстание) не оправдались, и по его просьбе хиосцы отправили его назад в Милет. Между тем милетяне на радостях, что избавились от Аристагора, все не имели желания принимать к себе в страну другого тирана, так как уже вкусили блага свободы [4]. И когда Гистиес под покровом ночи сделал попытку силой проникнуть в город, какой-то милетянин нанес ему рану в бедро. Так-то изгнанный из своей страны тиран был вынужден возвратиться на Хиос. Гистиесу не удалось, однако, убедить хиосцев дать ему корабли. Из Хиоса он переправился на Митилену и там уговорил лесбосцев предоставить ему корабли. Лесбосцы снарядили восемь триер и отплыли с Гистиесом в Византий. Потом они заняли крепкую позицию и стали захватывать все идущие из Понта [грузовые] корабли, кроме кораблей тех городов, которые изъявили готовность подчиниться Гистиесу.

 6. Так действовали Гистиес и митиленцы. А против Милета между тем собиралось в поход огромное войско и флот персов. Персидские военачальники [5] объединили свои силы и выступили против Милета, так как остальным городам они не придавали значения. Самыми лучшими мореходами в персидском флоте были финикияне; в походе участвовали также недавно покоренные киприоты, киликийцы и египтяне. Итак, персы пошли войной на Милет и на остальную Ионию.

7. Услышав об этом, ионяне послали своих представителей на собрание в Панионий [6]. По прибытии туда советники обсудили дело и решили не выставлять общего сухопутного войска против персов: милемяне должны были сами защищать свой город с суши. Зато было решено снарядить флот, собрать все без исключения корабли и как можно скорее сосредоточить их у Лады для защиты Милема с моря (Лада – островок, лежащий близ Милема).

8. Затем прибыли ионяне на своих кораблях с воинами и вместе с ними эолийцы, живущие на Лесбосе. Построены же корабли были в таком вот порядке. Восточное крыло занимали сами милемяне со своими 80 кораблями. Рядом с ними стояли приенцы с 12 кораблями и 3 корабля жителей Миунта. Затем следовали 17 кораблей теосцев; за теосцами – хиосцы со 100 кораблями. Возле них выстроились эрифрейцы и фокейцы. Эритрейцы прислали 8 кораблей, а фокейцы 3. К фокеям примыкали лесбосцы с 70 кораблями. Наконец, на заднем крыле стояли самосцы с 60 кораблями. Общее число всех кораблей ионян было 353.

9. Это были корабли ионян. У варваров же было 600 кораблей. Когда персидский флот и сухопутное войско прибыли в Милемскую землю, то военачальники персов, увидев множество ионийских кораблей, устрашились и решили, что не в состоянии одолеть их. Не добившись господства на море, полагали они, им не взять Милема, и к тому же еще рискуют навлечь на себя за это немилость Дария. Поэтому персидские военачальники призвали на совет ионийских тиранов (эти тираны, устранные Аристагором из Милема, вынуждены были искать убежища у персов и теперь участвовали в походе на Милем) [7]. Вызвав тех из них, кто находился в персидском стане, персидские военачальники обратились к ним с такими словами: “Ионяне! Пусть каждый из вас проявит [свою преданность],

оказав услугу царскому дому. Попробуйте склонить ваших сограждан к измене остальным союзникам. Сообщите им это и скажите, что им вовсе не грозит наказание за мятеж: персы не предадут огню ни храмы богов, ни их частное имущество и будут обращаться с ними, как и прежде, милостиво. А если они все же не пойдут на измену, но попытают счастья в битве, то пригрозите им тем, что их ожидает на самом деле. Ведь в случае поражения они сами будут проданы в рабство, сыновей их мы оскопим, дочерей уведем в Бактрии, а их родную землю отдадим другим”.

 10. Так говорили персидские военачальники, а ионийские тираны разослали вестников к своим землякам передать им предложения персов. Ионяне же (до них дошли эти условия персов) из бессмысленной гордости [8] не пожелали принять персидских условий и изменить союзникам: воины каждого города думали, что персы обращаются только к ним одним.

 11. Это произошло как раз после прибытия персов к Милету. Затем ионяне, собравшись у Лады, стали держать совет. На этом совете, кроме некоторых других, выступил также военачальник фокейцев Дионисий и сказал так: “Наша часть висит на волоске: или мы будем свободными, или рабами и вдобавок еще беглыми! Поэтому пусть вас не страшат лишения; теперь вам, конечно, придется тяжело, но зато вы одолеете врага и завоуете свободу. Напротив, если вы проявите слабость и неповинование, то я вовсе не надеюсь, что вам удастся избежать суровой кары царя за восстание. Итак, послушайте же моего совета и доверьтесь мне. И я вам обещаю: если только есть на свете божественная справедливость, то враг или не посмеет вступить в бой, а если сделает это, то будет разбит наголову”.

12. После этой речи ионяне подчинились приказанию Дионисия. Дионисий же каждый раз, выставляя свои корабли в открытом море в одну линию [кильватерной колонной], заставлял одни корабли проходить на веслах между другими [9], применяя силу гребцов. При этом он выстраивал воинов [на борту] в полном вооружении. Остальную часть дня он приказывал кораблям стоять на якоре, заставляя воинов целый день трудиться. Семь дней подряд ионяне не выходили из повиновения, выполняя приказания Дионисия. На восьмой же день, истомленные мучительным трудом под палящим зноем, они подняли ропот, рассуждая между собою так: "Какое божество мы оскорбили, что претерпеваем такие муки. Мы совершенно сошли с ума, подчинившись этому болвану фокейцу, который выставил всего лишь три корабля. Став нашим начальником, он принялся унижать и мучить нас, и, как видно, много людей уже занемогло, а другим еще придется испытать ту же участь. Лучше терпеть любую напасть, чем такие мучения! Лучше даже будущее рабство (как бы тяжело оно ни было), чем теперешние муки. Давайте же перестанем ему подчиняться!". Так рассуждали ионяне, и после этого никто уже не хотел повиноваться Дионисию. Тогда ионяне, разбив палатки на острове (подобно сухопутному войску), стали в тени предаваться неге, не желая большие возвращаться на корабли для учений.

13. Когда самосские военачальники услышали о таком [настроении] и делах у ионян, то по совету Эака, сына Силосонта, решили (Эак ведь уже раньше по приказанию персов предлагал им покинуть ионян) разорвать союз с ионянами. Самосцы приняли это предложение как из-за полного развала дисциплины у ионян, так и от того, что теперь им стало совершенно ясно: одолеть царя они не могут. Ведь они хорошо знали, что одолей они даже теперешний

флотом [Дария], то явится другой, внямtero большии. Итак, лишь только самосцы заметили, что ионяне не проявляют мужества, то нашли в этом предлог [для измены]: ведь для них было важнее всего спасти от гибели храмы богов и свое имущество. Эак же, совет которого изменить [союзникам] самосцы приняли, был сыном Силосонта, внуком Эака и тираном Самоса. Его, как и других ионийских тиранов, лишил власти Аристагор из Милета.

 14. Итак, когда финикийские корабли напали, ионяне также выступили навстречу врагу, построив свои корабли в два ряда один за другим. Затем противники стали сближаться и вступили в бой. Я не могу, однако, теперь точно сказать, кто из ионян в этой битве оказался трусом и кто проявил доблестъ: ведь одни стараются переложить вину на других. Во всяком случае передают, что все самосские корабли, кроме одиннадцати, по договору с Эаком подняли паруса и, покинув боевой строй, взяли курс на Самос. Триерархи этих кораблей вопреки приказу своих военачальников остались и приняли участие в битве. И за этот доблестный подвиг власти самосцев повелели начертать на столпе их имена с прибавлением отчества, а столп этот стоит у них на рыночной площади. Заметив бегство соседей, лесбосцы также последовали за самосцами. Так же поступило и большинство [кораблей других городов] ионян [10].

 15. Среди тех, кто стойко держался в битве, самые жестокие потери понесли хиосцы. Они совершили блестящие подвиги и не захотели показать себя трусами. Хиосцы ведь, как было упомянуто выше, выставили 100 кораблей, причем на каждом из них было по 40 отборных воинов экипажа. При виде измены большинства союзников хиосцы все же сочли недостойным уподобиться этим негодяям: сражаясь вместе с немногими оставшимися союзниками, они

прорвали боевую линию врагов и захватили много вражеских кораблей [11]. При этом, однако, они и сами потеряли большинство своих кораблей.

16. С уцелевшими кораблями хиосцы бежали на свой остров. А тем хиосцам, чьи корабли едва держались на плаву от повреждений, пришлось бежать в Микале, когда враги стали их преследовать. Там они вытащили корабли на берег, а сами отправились по суше пешком. Во время этого странствования хиосцы вступили в Эфесскую область. Они пришли, когда эфесские женщины как раз спрашивали праздник Фесмофорий. Эфесцы же еще ничего не знали о судьбе хиосцев. При виде толпы вооруженных людей, проникших в их страну, они были в полной уверенности, что это – разбойники, явившиеся похитить женщин [12]. Весь Эфес вышел на помощь, и хиосцы были перебиты. Такая печальная участь постигла этих хиосцев.

17. Когда фокеец Дионисий понял, что дело ионян проиграно, он, захватив в бою три вражеских корабля, однако, не вернулся назад в Фокею: он прекрасно знал, что и его вместе с остальной Ионией ожидает рабство. Тотчас же после битвы Дионисий взял курс прямо в Финикию, где ему удалось пограбить [несколько] купеческих кораблей [13] и захватить богатую добычу. Затем он направился в Сикелию. Отправляясь туда, он стал заниматься морским разбоем, не нападая, впрочем, никогда на греческие корабли, а только на карфагенские и тирские [14].

18. Между тем после победы в морской битве над ионянами персы принялись осаждать Милет с суши и с моря. Они стали делать подкоп стен и подвезли всевозможные осадные орудия. На шестой год после восстания Аристагора персам удалось целиком

[Вместе с акрополем] овладеть городом. Жителей они обратили в рабство, так что сбылось прорицание оракула, данное Милету [15].

 19. И действительно, когда аргосцы вопросили бога в Дельфах о спасении своего города, им было дано общее [с милетянами] прорицание: часть его относилась к самим аргосцам, а добавление Пифия изрекла милетянам. Ответ бога аргосцам я приведу в своем месте, когда мой рассказ дойдет до них. Оракул же, данный милетянам в их отсутствии, гласил так:

В оное время и ты, о Милет, – зачинатель преступных деяний –
Многим во снедь ты пойдешь и даром станешь роскошным.
Многим тогда твои жены косматым ноги умрут.
Капище же наше в Диодимах [16] возьмут в попеченье другие.

Тогда то и разразилась над милетянами эта беда, так как большую часть их мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы, а жен и детей их обратили в рабство. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. О сокровищах этого храма я уже нередко упоминал в другой части моего повествования [17].

 20. Захваченных в плен милетян персы затем повели в Сусы. Царь Дарий, впрочем, не причинил им большие никакого зла. Он поселил их у так называемого Красного моря в городе Амне; мимо этого города протекает река Тигр при владении в море. В Милетской же области персы взяли себе самый город и окрестную равнину, а горную местность отдали во владение карийцам из Педас.

 21. Когда милетян постигла такая ужасная участь, то город Сибарис не отплатил им равным за то, что милетяне в свое время сделали для него. Так, после взятия Сибариса кротонцами (сибариты после разрушения их города переселились в Лаос и Скидрос) все

взрослое население Милета остригло себе волосы на голове и погрузилось в глубокую скорбь. Ведь из всех городов, которые я знаю, эти города были связаны между собой наиболее тесными узами гостеприимства и дружбы. Совершенно по иному, однако, поступили афиняне, которые, тяжко скорбя о взятии Милета, выражали свою печаль по-разному. Так, между прочим, Фриних сочинил драму “Взятие Милета”[18], и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы.

22. Итак, в Милете теперь уже не было больше милетян. На Самосе же зажиточные граждане вовсе не одобряли образа действий своих военачальников по отношению к персам. После морской битвы они тотчас собрались на совет и решили, пока их тиран Эак не успел вернуться в страну, выселиться куда-нибудь, чтобы, оставаясь на родине, не быть рабами персов и Эака[19]. Как раз в это самое время занклейцы, что в Сикелии, отправили послов в Ионию с приглашением на “Красивый Берег”, где они желали основать ионийский город. А этот так называемый “Красивый Берег” находится в стране сикелайцев, именно в части Сикелии, обращенной к Тирсении. Итак, по приглашению занклейцев отправились в путь только самосцы – одни из ионян, а с ними еще беглецы из Милета.

23. В это время произошло вот что. По пути в Сикелию самосцы прибыли в землю эпизефирийских локров. Сами занклейцы во главе со своим царем, по имени Скиф, осаждали тогда [какой-то] город сикелайцев, который они желали захватить. О прибытии самосцев между тем узнал тиран Регия Анаксилай, враждовавший

тогда с занклейцами. Встретив пришельцев, он стал убеждать их лучше отказаться от “Красивого Берега”, куда они плыли, и захватить Занклу, покинутую мужским населением. Самосцы послушались совета и овладели городом. Как только занклейцы узнали о захвате своего города, они сами поспешили на помощь и призвали Гиппократа, тирана Гелы, своего союзника. Когда же Гиппократ в самом деле явился с войском на помощь, то велел бросить в оковы властителя занклейцев Скифа за то, что тот де покинул свой город на произвол судьбы. Брата же Скифа Пифогена тиран выслал в город Иник, а остальных занклейцев выдал самосцам, заключив с ними договор, подтвержденный взаимной клятвой. В награду за это самосцы обещали Гиппократу вот что: именно, отдать ему половину всей домашней утвари и рабов в городе и, кроме того, весь урожай с полей. Большую часть занклейцев тиран держал в оковах на положении рабов, а 300 самых знатных отдал самосцам, [повелев] казнить. Самосцы, впрочем, не казнили их.

 24. Скиф же, властитель занклейцев, из Иника бежал в Гимеру, а оттуда отправился в Азию и прибыл к царю Дарию. Дарий считал его самым честным из греков, когда-либо приходивших к нему. И действительно, с разрешения Дария он вновь отправился в Сикелию, а затем возвратился к царю и [жил у него], наслаждаясь великим богатством, пока не скончался глубоким старцем в Персии. Самосцы же, избежав персидского ига, без большого труда завладели прекраснейшим городом.

 25. После морской битвы у Милета финикияне по приказанию персов возвратили на Самос Эака, сына Силосонта [20], за его великие заслуги перед царем. И самосцы были единственными из восставших против царя Дария [ионян], город и святилища которых не были преданы огню. После взятия Милета персы сразу же

захватили Карию, причем часть городов подчинилась им добровольно, а другие по принуждению. Таков был ход событий.

 26. Между тем к Гистиесу весть о событиях в Милете пришла, когда он стоял у Византия и захватывал ионийские грузовые корабли, шедшие из Понта [21]. Поручив дела на Геллеспонте Бисальту, сыну Аполлофана из Абидоса, сам Гистиес отплыл на лесбосских кораблях, взяв курс на Хиос. Хиосская стража не допустила его в город, и тогда Гистиес напал на хиосцев в так называемых Келах в Хиосской области. В схватке тиран перебил много хиосцев. Он одолел так же со своими лесбосцами и хиосцев, уцелевших от поражения в морской битве, отправляясь из Полихны на Хиосе.

 27. Обычно, когда какому-нибудь городу или народу предстоят тяжкие бедствия, божество заранее посыпает знамения. Так же и хиосцам явлены были перед этими невзгодами великие знамения. Так, из хора в 100 юношей, отправленных в Дельфы, только двое вернулись домой. А 98 из них были внезапно похищены чумой. Затем в то же самое время, незадолго до морской битвы, в самом городе обрушилась крыша школы [22] и из 120 детей только один избежал гибели. Такие знамения божество заранее ниспоспало хиосцам. Непосредственно за этим могущество города было сокрушено в морской битве, а после нее явились [новая напасть] – Гистиес с лесбосцами. Сломленных такой бедой хиосцев Гистиес легко подчинил своей власти.

 28. Из Хиоса Гистиес выступил в поход на Фасос с большим отрядом ионян и эолийцев. Во время осады Фасоса пришла весть, что финикийский флот идет из Милета против остальных ионийских городов. Узнав об этом, тиран снял осаду Фасоса и поспешил со своим войском на Лесбос. С Лесбоса изза нехватки продовольствия

для войска он переправился на материк, чтобы добыть хлеба из Амарнея и из долины Каика в Мисийской области. В этих местах тогда как раз находился с большим войском персидский военачальник Гарнаг. Он напал на Гистиеса при высадке на берег, взял в плен самого тирана и уничтожил большую часть его войска.

29. А взят в плен Гистией был вот как. Битва эллинов с персами произошла при Малене в Амарнейской области. Эллины долгое время стойко держались; наконец персидская конница стремительно бросилась на них и решила исход дела. Эллины обратились в бегство, а Гистией в надежде, что царь не покарает его смертью за теперешнее преступление, и малодушино пытаясь спасти свою жизнь, поступил так: во время бегства какой-то персидский воин настиг его и хотел было уже заколоть. Тогда тиран объявил ему по персидски, что он – Гистией из Милета.

30. Если бы пленника привели к царю Дарию, то, как я думаю, Гистией не понес бы никакой кары и царь бы простил его. По этой-то причине, а также из боязни, как бы тиран, избежав наказания, вновь не приобрел большого влияния у царя Дария, Артафрен, правитель Сард, и Гарнаг, захвативший его в плен, велели привезти его в Сарды [и казнить]. Там тело Гистиеса распяли на кресте, а голову, набальзамировав, отослали в Сусы к царю Дарию. Узнав об этом, Дарий выразил свое неудовольствие поступком этих людей, именно за то, что они не доставили тирана живым пред его царские очи. Голову Гистиеса царь повелел обмыть, обрядить и предать достойному погребению: Гистией ведь оказал ему и персам великие услуги. Таков был конец Гистиеса.

31. На следующий год персидский флот, перезимовав в Милете, вышел в море и без труда захватил острова у побережья: Хиос, Лесбос и Тенедос. Каждый раз при захвате какого-нибудь

острова варвары устраивали облавы на людей. Поступали они при этом так: взявшись за руки, они образовывали цепь, растянутую от северного побережья моря до южного, и затем проходили таким образом через весь остров, охотясь за людьми [23]. Подобным же образом персы захватывали и ионийские города на материке, но только облаву на людей здесь было устраивать невозможно.

32. Тогда-то персидские военачальники показали, что их угрозы ионянам, когда те стояли враждебным станом против них, не были пустыми словами. В завоеванных городах персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов, а самых миловидных девушек уводили в плен к царю. Так они поступали и предавали огню города вместе со святынищами богов. Так-то ионяне в третий раз были обращены в рабство: сначала лидийцами, а затем дважды персами [24].

33. Из Ионии персидский флот взял курс на Геллеспонт и захватил все города на левой его стороне при входе в пролив. Города же, лежащие на правой стороне, были уже захвачены персами с суши [25]. А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбria и Византий. Жители Византия и жившие на противоположном берегу калхедоняне [26] не стали ждать нападения финикиян. Они покинули свои города и отплыли в Евксинский Понт. Там они поселились в городе Месамбрии. Финикияне же, предав огню упомянутые местности, направились в Проконнес и Артаку. Уничтожив огнем и эти города, они вернулись на Херсонес, чтобы захватить остальные города, которые не успели разрушить при первой высадке. Однако на Кизик они не совершили нападения, так как жители его еще до их

прихода сами подчинились царю: об этом они договорились с сатрапом Даскилея Эбаром, сыном Мегабаза.

 34. Все эти города на Херсонесе, кроме Кардии, попали в руки финикиян. Правил ими тогда Мильтиад, сын Кимона, внук Стесагора. Получил же власть над этими городами в прежние времена Мильтиад [27], сын Кипсела, вот каким образом. Владело Херсонесом фракийское племя долонков. Эти-то долонки, жестоко теснимые во время войны с аспинтиями, отправили своих царей в Дельфы вопросить бога об [исходе] войны. Пифия повелела им в ответ призывать “первым основателем” в свою страну того, кто по выходе из святилища первым окажет им гостеприимство. Возвращаясь священным путем, долонки прошли землю фокийцев и беотийцев [28]. Так как никто не принял их, то они свернули в сторону [и направились] в Афины.

 35. В Афинах в те времена вся власть была в руках Писистрата. Большим влиянием, впрочем, пользовался также Мильтиад, сын Кипсела, происходивший из семьи, которая содержала четверку коней. Свой род он вел от Эака из Эгинь, а афинянином был лишь с недавних пор. Первым из этого дома стал афинянином Филей, сын Эанта [29]. Этому-то Мильтиад сидел перед дверью своего дома. Завидев проходивших мимо людей в странных одеяниях и с копьями, он окликнул их. Когда долонки подошли [на зов], Мильтиад предложил им приют и угощение. Пришельцы приняли приглашение и, встретив радушный прием, открыли хозяину полученное ими прорицание оракула. Затем они стали просить Мильтиада подчиниться велению бога. Услышав просьбу долонков, Мильтиад сразу же согласился, так как тяготился владычеством Писистрата и рад был покинуть Афины. Тотчас же он отправился в Дельфы вопросить оракул: следует ли ему принять предложение долонков.

36. Пифия же повелела [согласиться]. Так-то Мильтиад, сын Кипсела (незадолго перед этим он одержал победу в Олимпии с четверкой коней), отправился в путь вместе со всеми афинянами, желавшими принять участие в походе, и долонками и завладел страной. Призвавшие же Мильтиада долонки провозгласили его мираном. Мильтиад отдал сначала Херсонесский перешеек стеной от города Кардии до Пактии [30], для того чтобы апситии не могли вторгаться и опустошать эту землю. Ширина перешейка 36 стадий, а длина всего Херсонеса от этого перешейка 420 стадий.

37. Итак, отдав стеной Херсонесский перешеек и преградив таким образом путь апситиям, Мильтиад пошел войной на прочих врагов, и прежде всего на лампакийцев. Лампакийцы же устроили засаду и захватили Мильтиада в плен. Мильтиад же пользовался большим уважением лидийского царя Креза. Когда Крез узнал о плениении Мильтиада, то велел передать лампакийцам [требование] отпустить Мильтиада с угрозой в противном случае истребить их город, как сосну. Лампакийцы же не могли понять, что означают слова царской угрозы: истребить их, как сосну. В конце концов какой то старик рассталковал им смысл: когда то он слышал, что сосна – единственное дерево, не дающее отростков; срубленное дерево совершенно погибает. Тогда лампакийцы из страха перед Крезом отпустили Мильтиада на свободу.

38. Так-то Мильтиад при помощи Креза избежал страшной опасности. Скончался же он бездетным и власть свою и имущество передал Стесагору, сыну Кимона, своего единоутробного брата. После кончины Мильтиада херсонесцы, по обычаям, приносят ему жертвы как герою – основателю [колонии] и устраивают конские и гимнические [31] состязания, в которых не позволяетться участвовать ни одному лампакийцу. В войне с лампакийцами нашел свою

смерть и Стесагор, также не оставивший потомства. Его поразил в пританее [32] секирой по голове какой-то лампакиец, выдавший себя за перебежчика, а на самом деле – его злейший враг.

39. После того как и Стесагора постиг такой конец, Писистратиды отправили на Херсонес с триерой захватить верховную власть Мильтиада, сына Кимона, брата покойного Стесагора. Писистратиды в Афинах дружески обращались с Мильтиадом, делая вид, будто совершенно не причастны к убийству его отца [Кимона] (о чем я расскажу в другом месте) [33]. По прибытии в Херсонес Мильтиад остановился в доме [тирана], очевидно, для того, чтобы еще раз воздать погребальные почести покойному. Между тем, узнав об этом, властители городов на Херсонесе прибыли отовсюду выражать сочувствие. Когда они собрались все вместе, Мильтиад велел схватить их и бросить в оковы. Так-то Мильтиад захватил власть над Херсонесом. Он содержал 500 наемников и взял себе в жены Гегесипилу, дочь Олора, фракийского царя.

40. На этого то Мильтиада, сына Кимона (а он лишь недавно возвратился на Херсонес), обрушилась теперь еще более тяжкая беда, чем прежде [34]. Ведь за три года до этого он был изгнан скифами. Скифские кочевые племена, раздраженные вторжением царя Дария, объединились и дошли до Херсонеса. Мильтиад не стал ожидать вторжения скифов, а бежал в изгнание, пока скифы не ушли и долонки не вернули его назад. Эти события произошли за три года до постигших его затем несчастий [35].

41. Теперь же при известии, что финикияне стоят у Тенедоса, Мильтиад погрузил на пять триер все свои сокровища и отплыл в Афины. Выйдя в море из города Кардии, Мильтиад поплыл через Меланский залив. Но тут, огибая Херсонес, он встретил

финикийские корабли [36]. Самому Мильтиаду с четырьмя кораблями удалось спастись бегством на Имброс [37]. Пятый же корабль во время преследования попал в руки финикиян. Начальником этого корабля был как раз старший сын Мильтиада, но, конечно, не от дочери фракийского царя Олора, а от другой жены. Его то и захватили в плен финикияне. Узнав затем, что это – сын Мильтиада, финикияне отвезли его к царю, думая этим заслужить великую царскую милость (ведь именно Мильтиад на совете ионян высказался за то, чтобы по требованию скифов разрушить мост и затем отплыть на родину). Когда финикияне привезли в Сусы Метиоха, сына Мильтиада, Дарий не причинил ему, однако, никакого зла. Напротив, царь сделал пленнику много добра: он пожаловал ему дом, поместье и персиянку в жены. От этой женщины у Метиоха родились дети, которые считались уже персами. Сам же Мильтиад с Имброка [благополучно] прибыл в Афины.

42. В этом году персы не предпринимали большие враждебных действий против ионян, кроме уже упомянутых. Напротив, в этом год произошли вот какие весьма выгодные ионянам события. Артафрен, сатрап Сард, приказал прислать к нему предводителей ионийских городов и заставил их заключить между собой договоры: споры должны разрешаться вредь мирным путем, грабить и разорять друг друга городам [было запрещено]. Сатрап заставил ионийские города принять это. Затем сатрап приказал произвести обмер их земли парасангами (этим словом персы обозначают меру в 30 стадий). После обмера он назначил каждому городу подать, которую они всегда с того времени неизменно выплачивают вплоть до сего дня [в таком размере], как установил Артафрен. Эти положенные подати Артафреном почти не превышали прежних податей, уплачиваемых ионийскими городами. Эти меры принесли мир Ионии [38].

43. С наступлением весны [39] после смещения царем других главных военачальников Мардоний, сын Гобрия, выступил к морю с огромным сухопутным войском и большим флотом. Мардоний был еще молодой человек и только недавно вступил в брак с дочерью Дария Артозострой. Прибыв с этим войском в Киликию, сам Мардоний сел на корабль и продолжал дальнейший путь с флотом. Сухопутное же войско с другими военачальниками во главе двигалось к Геллеспонту. А Мардоний между тем плыл вдоль побережья Азии и достиг Ионии. Здесь то и произошло нечто такое, что я назову самым поразительным событием для тех эллинов [40], которые не желали верить, будто Октан предложил семи персам ввести демократию в Персии. И действительно, Мардоний низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление. Совершив такой переворот, Мардоний поспешил дальше к Геллеспонту. После того как на Геллеспонте собралось множество кораблей, а также большие сухопутные силы, персы переправились на кораблях через пролив и затем двинулись по Европе, а именно на Эретрию и Афины.

44. Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода. В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов. Сначала, как известно, они при помощи флота подчинили фасосцев, которые даже не подумали оказать сопротивление. Затем сухопутное войско прибавило к числу прочих порабощенных народностей еще и македонян [41] (ведь все племена к востоку от Македонии были уже во власти персов). От Фасоса персы переправились на противоположный берег и поплыли вдоль побережья дальше до Аканфа [42], а от Аканфа стали огибать Афон. В пути, однако, на персидский флот обрушился порыв сильного северо-восточного ветра, который нанес ему страшные потери, выбросив

большую часть кораблей на афонские утесы. При этом, как передают, погибло 300 кораблей и свыше 20000 человек. Море у афонского побережья полно хищных рыб, которые набрасывались на [плавающих людей] и пожирали их. Другие разбивались о скалы, иные же тонули, не умея плавать, а иные, наконец, погибали от холода. Так-то нашел свою погибель персидский флот.

45. Ночью же стан Мардония в Македонии подвергся нападению фракийцев из племени бригов. Много персов при этом было перебито, и сам Мардоний ранен. Бриги, впрочем, все же не избежали персидского ига: Мардоний покинул эту страну, только окончательно покорив ее жителей. После этого ему пришлось отступить с войском, так как сухопутные силы понесли тяжелые потери от бригов, а флот потерпел жестокое крушение у берегов Афона. Итак, этот поход окончился позорной неудачей, и войско возвратилось в Азию.

46. Спустя два года после этого [43] Дарий отправил сначала вестника к фасосцам с повелением разрушить стены города и послать свои корабли в Абдеры (фасосцев оклеветали соседи, приписывая им мятежные замыслы [против царя]). После осады города Гистиием из Милета фасосцы при своих огромных доходах тратили деньги на строительство военных кораблей и возведение мощных стен. Доходы же они получали из [колоний] на материке и от рудников. Так, золотые рудники в Скаптегиле приносили им обычно 80 талантов [44]; рудники же на самом Фасосе – несколько меньше, но все же столь много, что фасосцы были не только свободны от налогов на хлеб, но все, вместе взятое, – доходы от владений на материке и от рудников – составляло ежегодно сумму в 200 талантов, а в лучшие годы – даже 300 талантов.

47. Мне самому пришлось также видеть эти рудники.

Безусловно самые замечательные из них – это рудники, открытые финикиянами, когда они под предводительством Фасоса поселились на этом острове (он и теперь называется по имени Фасоса, сына Фойника). А эти финикийские рудники на Фасосе лежат между местностями под названием Эниры и Кениры, напротив Самофракии. Огромная гора там изрыта в поисках золота. Таковы эти рудники.

48. Фасосцам все же пришлось по царскому повелению разрушить свои стены и все корабли послать в Абдеры. После этого Дарий сделал попытку разведать замыслы эллинов: думают ли они воевать или предпочитают сдаться. Для этого Дарий отправлял глашатаев в разные города по всей Элладе с повелением требовать царю земли и воды. Этих-то глашатаев он посыпал в Элладу, а других отправлял в приморские города, платившие ему дань, приказывая строить военные корабли и грузовые суда для перевозки лошадей.

49. Эти города данники взялись поставлять [царю] эти корабли, а многие материковые города дали прибывшим в Элладу глашатаям то, что им повелел персидский царь. Так же поступали и все островные города, куда являлись глашатаи [с подобным] требованием. Среди островитян, которые дали Дарию землю и воду, были, между прочим, и жители Эгинь. Лишь только эгинцы совершили этот поступок, как афиняне тотчас же напали на них с угрозами. Афиняне полагали, что эгинцы дали [землю и воду царю] с враждебными против них намерениями, именно для того, чтобы вместе с персами потом идти войной на них. С радостью ухватились афиняне за этот предлог и отправились в Спарту, чтобы обвинить эгинцев как предателей Эллады [45].

50. В силу этого то обвинения Клеомен, сын Анаксандрида, спартанский царь, переправился в Эгину, чтобы схватить главных виновников. Однако некоторые эгинцы при попытке царя захватить их оказывали сопротивление и среди них прежде всего Криос, сын Поликрита. Криос заявил, что Клеомен не уведет ни одного эгинца безнаказанно, так как он де действует без разрешения спартанских властей, подкупленный афинскими деньгами: иначе он ведь прибыл бы вместе с другим царем. А говорил все это Криос по приказанию Демарата. Уезжая из Эгина, Клеомен спросил Криоса, как его имя. Тот назвал свое настоящее имя, и Клеомен, обратившись к нему, сказал: “Покрой медью твои рога, баран [46]! Тебя ожидает великая беда”.

51. Между тем оставшийся в Спарте Демарат, сын Аристона (он был также спартанским царем), стал клеветать на Клеомена. Демарат происходил из менее знатного дома, который, впрочем, считался таковым (родоначальник у них был общий) потому лишь, что дом Еврисфена ради первородства пользовался, вероятно, большим почетом.

52. Лакедемоняне вопреки утверждениям всех поэтов [47] рассказывают, что сам царь Аристодем, сын Аристомаха, внук Клеодея, правнук Гилла, привел их в эту землю, которой они теперь владеют, а вовсе не сыновья Аристодема. Спустя немного времени супруга Аристодема по имени Аргея родила. Она, по преданию, была дочерью Автесиона, сына Тисамена, внука Ферсандра, правнука Полиника. Родила же она близнецов; и после того как Аристодем увидел детей своими глазами, он занемог и скончался. Тогда народ лакедемонский решил, по обычаям, поставить царем старшего мальчика. Однако лакедемоняне не знали, которого из них выбрать, так как оба мальчика были совершенно одинаковы видом и ростом.

При таком затруднительном положении (или уже раньше) пришлось обратиться с вопросом о старшинстве к родильнице. Родильница же сказала, что также не может решить, кто старший. Она то, конечно, прекрасно знала разницу между детьми, но ответила так намеренно, предвидя возможность, что они оба будут царствовать. Итак, лакедемоняне, не зная, что предпринять, отправили посольство в Дельфы вопросить бога, как им поступить. Пифия же повелела поставить царями обоих младенцев, но старшему оказывать большие почести. Так повелела Пифия, а лакедемоняне все еще были в затруднении, как определить, кто из младенцев старший. Тогда один мессенец, по имени Панит, дал им совет. Посоветовал же этот Панит лакедемонянам вот что: они должны подсмотреть, которого младенца мать будет сначала мыть и кормить; и если они увидят, что мать всегда поступает одинаково, то узнают, что хотят узнать. Если же и сама мать будет колебаться и поступать-то так, то эдак, то ясно, что она сама знает не больше их, и тогда следует попробовать другой способ. По совету мессенца лакедемоняне стали наблюдать за матерью детей Аристодема и увидели, что она всегда отдает предпочтение старшему, когда кормит и обмывает детей. При этом мать не знала, ради чего за ней наблюдают. Тогда спартанцы взяли от матери младенца, которому она отдавала предпочтение как старшему, чтобы воспитывать его на общественный счет. Назвали же его Еврисфеном, а младшего Проклом. Когда мальчики подросли, то, по преданию, хотя и были братьями, всю жизнь враждовали между собой. И эта вражда продолжалась в их потомстве.

53. Это сказание передают лакедемоняне – и только они одни из всех греков. А вот что я утверждаю, согласно общегреческому преданию [48]. Этих дорийских царей, вплоть до Персея, греки правильно считают и изображают греками. Ведь уже тогда [со

времен Персея] их род причисляли к эллинам. Я сказал “вплоть до Персея” и не восхожу дальше, потому что имя смертного отца Персея неизвестно (как, например, у Геракла [имя смертного отца] было Амфитрион). Поэтому я совершенно правильно сказал выше [о царях] “вплоть до Персея”. Если же перечислить по порядку каждого предка Данаи, дочери Акрисия, то, конечно, вожди дорийцев окажутся настоящими египтянами.

 54. Такова родословная спартанских царей по сказаниям эллинов [49]. Напротив, согласно персидскому преданию, не только предки Персея, но и сам Персей еще был ассирийцем и стал эллином. Предки же Акрисия поэтому вовсе не состояли ни в каком родстве с Персеем, но были, как это подтверждает и эллинское предание, египтянами. Но об этом довольно.

 55. А почему эти египтяне и за какие подвиги получили царскую власть над дорийцами, я рассказывать не буду, так как об этом уже говорили другие писатели [50]. Я хочу сообщить лишь то, о чем они не упоминали.

 56. Особые же почести и права спартанцы предоставили своим царям вот какие: обе жреческие должности – Зевса Лакедемонского и Зевса Урания [51] и даже право вести войну с любой страной. Ни один спартанец не смеет им противодействовать, в противном же случае подлежит проклятию. В битве цари выступают впереди и последними покидают поле сражения. Сотня отборных воинов служит им в походе телохранителями. Жертвенных животных цари могут брать с собой в поход сколько угодно: от каждой жертвы они получают икру и спинную часть мяса. Таковы особые преимущества царей во время войны.

57. В мирное же время царям полагаются следующие [особые] преимущества. Во время жертвоприношений от имени общины цари восседают на первом месте на жертвенному пиршестве; по сравнению с остальными участниками им первым подносят угощение и в двойном количестве [52]. При возлании царям полагается первый кубок и шкура жертвенного животного. В первый и седьмой дни начала месяца обоим царям община доставляет отборное животное (для жертвоприношения в святилище Аполлона) [53], а затем лаконский медимн ячменной муки и лаконскую четверть вина. На всех состязаниях царям принадлежат особые почетные места. Им поручено назначать проксенами [54] любого из граждан и выбирать по два пифия (пифиями называются послы в Дельфы, которые обедают вместе с царями на общественный счет). Если цари не являются на пиршество, то им посылают на дом 2 хеника ячменной муки и по котиле вина каждому. А когда они приходят [на пир], то им подают все кушанья в двойном количестве. Такой же почет оказывает им и частный гражданин, приглашая к обеду. Изречения оракулов цари обязаны хранить в тайне [55]; знать эти изречения должны также пифии. Только одним царям принадлежит право выносить решения по следующим делам: о выборе мужа для дочери наследницы [56] (если отец никому ее не обручил) и об общественных дорогах [57]. Также если кто пожелает усыновить ребенка, то должен сделать это в присутствии царей. Цари заседают также в совете 28 геронтов [58]. Если цари не являются в совет, то их ближайшие родственники среди геронтов получают их привилегии, именно каждый, кроме своего, получает еще два голоса.

58. Эти же почести и права предоставляет царям спартанская община при жизни. Посмертные же почести царей вот какие. О кончине царя всадники сообщают во все концы Лаконии, а

женщины ходят вокруг города и бывают в комлы. Лишь только раздаются эти звуки, в каждом доме двое свободных людей – мужчина и женщина – должны облечься в траур. Тех, кто не подчинился этому приказу, ожидает суровая кара. Впрочем, обычай лакедемонян при кончине царей такие же, как и у азиатских варваров. Ведь у большинства варварских племен те же обычай при кончине царей. Всякий раз, когда умирает царь лакедемонян, на погребении обязано присутствовать, кроме спартанцев, также определенное число периэков^[59]. Много тысяч периэков, иломов и спартанцев вместе с женщинами собирается [на погребение]. Они яростно бьют себя в лоб, поднимают громкие вопли и при этом причитают, что покойный царь был самым лучшим из царей [60]. Если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме устанавливают изображение покойного и на устланном [цветами] ложе выносят [для погребения]. После погребения царя на десять дней закрыт суд и рынок, а также не бывает собраний по выборам должностных лиц, но в эти дни все облекаются в траур.

59. Есть еще у спартанцев вот какой обычай, схожий с персидским. После кончины царя его наследник, вступив на престол, прощает спартанцам все долги царю или общине. И у персов также новый царь при восшествии на престол прощает недоимки всем городам.

60. А вот следующий обычай лакедемонян похож на египетский. У них глашатаи, флейтисты и повара наследуют отцовское ремесло. Сын флейтиста становится флейтистом, сын повара – поваром, а глашатая – глашатаем. На смену потомкам глашатаев не назначают посторонних из-за зычного голоса, но должность остается в той же семье. Такие наследственные обычай хранят спартанцы.

61. Итак, в то время как Клеомен находился на Эгине и действовал на благо всей Эллады, Демарак клеветал на него не столько в интересах эгинцев, сколько из зависти и злобы.

Возвратившись с Эгина, Клеомен задумал поэтому лишить Демарака престола. Нанести врагу удар он решил, воспользовавшись вот чем. Спарманский царь Аристон, хотя и женатый дважды, не имел потомства. Не считая себя виновным в этом, царь взял себе третью супругу. А вступил в этот третий брак он вот каким образом. Был у Аристона среди спартанцев друг, с которым он был особенно близок. У этого человека была супруга, далеко превосходившая красотой всех спартанских женщин, притом еще красавицей она стала из безобразной. Будучи дочерью богатых родителей, девочка отличалась ужасным безобразием, и ее кормилица, чтобы помочь беде, придумала вот какое средство (к тому же кормилица видела, что родители девочки несчастны изза безобразия дочери). Она приносila ребенка каждый день в святилище Елены, в местность под названием Ферапна [61], что над святилищем Феба [62]. Принося ребенка в храм, кормилица всякий раз становилась перед кумиром богини и молила даровать девочке красоту. И вот, как рассказывают, однажды, когда кормилица уже покидала святилище, предстала ей некая женщина и спросила, что она носит на руках. Кормилица отвечала, что носит младенца. Женщина попросила показать ей дитя. Кормилица же отказалась, так как родители запретили ей показывать девочку кому либо. Женщина все же просила непременно показать ей младенца. Тогда кормилица, заметив, насколько важно этой женщине видеть девочку, показала ей. Женщина погладила девочку по головке и сказала, что она будет красивейшей женщиной в Спарте. И с этого дня [безобразная] наружность девочки изменилась, а когда она достигла

брачного возраста, то стала супругой Агема, сына Алкида, именно упомянутого друга Аристона.

 62. Как оказалось, Аристон распался страстью к этой женщине и придумал вот какую хитрость. Он обещал своему другу, супругу этой женщины, подарить из своего имущества все, что том пожелает. То же самое он просил и у своего друга. Тот согласился, вовсе не опасаясь за свою жену, так как видел, что Аристон уже женат. Потом друзья скрепили этот договор клятвой. Аристон подарил Агему одну из своих драгоценностей по его выбору, а потом, выбирая взамен равный дар у него, потребовал себе его жену. Агем сказал в ответ, что жена – это единственное, что он не может отдать. Однако [в конце концов], попавшись на коварную хитрость и связанный клятвой, был вынужден уступить ее Аристону.

 63. Так вот, Аристон вступил в третий брак, отпустив свою вторую жену. Спустя немного времени (не прошло еще и десяти месяцев) эта женщина родила ему этого самого Демарата. Во время заседания в совете с эфорами кто-то из слуг принес царю весть о рождении сына. Аристон знал время, когда привел супругу в свой дом. Прикинув на пальцах число [прошедших] месяцев, с клятвой он воскликнул: “Это не мой сын!” Эфоры услышали эти слова, но не обратили тогда на них никакого внимания [63]. Между тем младенец подрос, и Аристон раскаялся в своих словах: теперь ведь он был совершенно уверен, что Демарат – его сын. Dal же он младенцу имя Демарат, потому что весь спартанский народ, почитавший Аристона больше всех своих прежних царей, желал ему сына.

 64. Через некоторое время Аристон скончался, и Демарат вступил на престол. Однако судьбе, как кажется, было угодно, чтобы те слова [Аристона] стали известны и [из-за них то] Демарат и

лишился престола. С Клеоменом Демарат был в смертельной вражде. Сначала Демарат отвел свое войско из Элевсина, а затем оклеветал Клеомена, когда тот переправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов.

 65. Перед походом Клеомен договорился с Левтихидом, сыном Менара, внуком Агиса (из того же дома, что и Демарат). Клеомен обещал возвести его на престол вместо Демарата при условии, если тот выступит с ним в поход на эгинцев. Левтихид же был заклятым врагом Демарата вот из-за чего. Левтихид был обручен с Перкалой, дочерью Хилона, сына Демармена, а Демарат хитростью рассстроил этот брак. Опередив Левтихида, Демарат похитил эту женщину и сам взял ее в жены. Из-за этого то и началась вражда Левтихида с Демаратом. Тогда по наущению Клеомена Левтихид под клятвой обвинил Демарата, утверждая, что тот – не сын Аристона^[64] и поэтому незаконно царствует над спартанцами. Принеся клятву, Левтихид напомнил слова, вырвавшиеся у Аристона, когда слуга сообщил царю весть о рождении сына. Тогда царь, сочтя по пальцам месяцы, поклялся, что это не его сын. Левтихид особенно ссылался на эти слова царя в доказательство того, что Демарат – не сын Аристона и незаконно присвоил себе царское достоинство. Свидетелями он вызвал тех эфоров, которые заседали тогда в совете вместе с Аристоном и слышали его слова.

 66. У спартанцев из-за этого возникли разногласия, и, наконец, было решено вопросить оракул в Дельфах: Аристонов ли сын Демарат. Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов изрекла решение:

Демарат – не сын Аристона. Впоследствии, однако, обман открылся: Кобон поплатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана [65].

 67. Так-то был низложен Демарат. А бежал Демарат из Спарты в Персию вовт из-за какого оскорбления. После низложения с престола он был выбран на другую начальственную должность. На празднике Гимнopedий Демарат был среди зрителей. Левтихид, ставший вместо него царем, послал слугу издевательски спросить Демарата, как ему нравится новая должность после царского сана. Демарат, больно задетый этим вопросом, сказал в ответ, что он, Демарат, уже изведал на опыте обе должности, а Левтихид – еще нет; вопрос этот, впрочем, послужит для лакедемонян началом бесчисленных бедствий или безмерного счастья. После этих слов Демарат с покрытой головой покинул праздник и направился домой. Дома он сделал приготовление к жертве и принес Зевсу в жертву быка. Затем он позвал свою мать.

 68. Когда мать пришла, Демарат вложил ей в руки куски внутренностей жертвы и стал взывать к ней такими словами: “О мать! Всеми богами и вовт эдим Зевсом Геркейским заклинаю и молю тебя: открой мне правду, кто же мой настоящий отец? Ведь на суде Левтихид утверждал, что ты пришла к Аристону, уже имея во чреве плод от первого мужа. А иные распускают даже еще более нелепые слухи, будто ты явилась в дом Аристона от пастуха ослов с нашего двора и что я, мол, его сын. Заклинаю тебя богами, скажи правду! Если ты действительно совершила что-либо подобное тому, о чем говорят люди, то ты – не единственная: много женщин поступает так же. В Спарте повсюду ходила молва, что Аристон не способен производить потомство, иначе ведь ему родили бы детей прежние жены”.

69. Так говорил Демарат, и мать отвечала ему вот какими словами: “Сын мой! Ты заклинаешь меня открыть правду, так я расскажу тебе все, как было. На третью ночь, после того как Аристон привел меня в свой дом, явился мне призрак, похожий на Аристона. Он возлег со мной на ложе и увенчал венками, которые принес. Затем призрак исчез и пришел Аристон. Увидев меня увенчанной, он спросил, кто дал мне венки. Я сказала, что он сам, но Аристон не хотел признаться в этом. А я тогда поклялась и сказала, что нехорошо ему отрицать это: ведь он только что приходил ко мне, возлег со мной на ложе и дал мне эти венки. Услышав мою клятву, Аристон понял, что это – дело божества. И не только венки оказались из святилища героя, что стоит перед входом в наш двор и называется храмом Астрабака, но и прорицатели также изъяснили, что [явился мне] именно этот герой. Теперь, дитя мое, ты знаешь все, что хотел знать. Либо ты родился от этого героя и отец твой – герой Астрабак, или Аристон. Ведь в эту ночь я зачала тебя. А то, на что большие всего ссылаются враги, утверждая, что сам де Аристон при вести о твоем рождении перед множеством свидетелей объявил, что ты – не его сын, потому что десять месяцев еще не истекли, то у него лишь по неведению в таких делах вырвалось это слово. Некоторые женщины ведь рожают даже девяти и семимесячных младенцев, и не всегда они носят полные десять месяцев. Я же родила тебя, дитя мое, семимесячным. И даже сам Аристон очень скоро признал, что у него эти слова слетели с языка по неразумию. Не верь и прочей болтовне о твоем рождении; ведь ты теперь узнал сущую правду. А от ослиных пастухов пусть рожают детей жены Левтихиду и другим, кто распространяет подобные слухи”.

70. Так она сказала. А Демарат, узнав все, что ему хотелось узнать, взял с собой съестного в дорогу и отправился в Элиду[66] под предлогом, что ему нужно问问 оракул в Дельфах.

Лакедемоняне же, подозревая намерение Демарата бежать, бросились в погоню за ним. Беглец успел, однако, из Элиды переправиться в Закинф. Лакедемоняне же последовали за ним и туда, настигли его и захватили его спутников. Закинфяне, однако, не выдали Демарата, и он оттуда уехал в Азию к царю Дарию. Царь принял изгнанника с великим почетом и пожаловал ему землю и города. Так что и при таких обстоятельствах прибыл Демарат в Азию. Он прославился среди лакедемонян многими подвигами, великим благородствием и был единственным спартанским царем, который доставил им славу победы в Олимпии с четверкой коней.

71. Левтихид же, сын Менара, вошел на престол после низложения Демарата. У него был сын Зевксидам, которого некоторые спартанцы называли Киниском. Этот Зевксидам не стал царем Спарты, так как скончался еще при жизни Левтихида, оставив сына Архидама. После кончины Зевксидама Левтихид взял себе вторую супругу Евридаму, сестру Мения, дочь Диакторида. Мужского потомства от этой супруги у него не было, а только дочь Лампимо, которую Левтихид отдал в жены сыну Зевксидама Архидаму.

72. Сам Левтихид, однако, также не дожил в Спарте до старости. Ему пришлось все же искупить свою вину перед Демаратом вот таким образом. Во время похода в Фессалию он предводительствовал лакедемонянами и, хотя легко мог покорить всю страну, позволил подкупить себя большими деньгами. Левтихида застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном золота. Привлеченный к суду, царь бежал из

Спарты, и его дом был разрушен. Бежал же он в Тегетю [67] и там скончался. Впрочем, это произошло позднее.

73. А Клеомен тотчас же после низложения Демарата вместе с Левтихидом выступил в поход на Эгину, распалившись яростным гневом за причиненный ему позор. Теперь, когда оба царя выступили против них, эгинцы не решились сопротивляться. А цари выбрали десять эгинцев, самых богатых и знатных, и увезли их в плен. Среди них были и Криос, сын Поликрита, и Касамб, сын Аристократа, — самые влиятельные граждане [на Эгине]. Затем пленных повели в Аттику и отдали заложниками афинянам, злейшим врагам эгинцев.

74. Когда впоследствии обнаружились козни Клеомена против Демарата, Клеомен в страхе перед спартанцами бежал в Фессалию. По прибытии оттуда в Аркадию он поднял там мятеж, возбудив аркадцев против Спарты. Аркадцев он заставил поклясться, что они пойдут за ним, куда бы он их ни повел. Именно, он хотел собрать главарей аркадцев в городе Нонакрис и там заставить принести клятву “водой Стикса” [68]. Близ этого города Нонакрис, как говорят аркадцы, находится источник этой воды. И действительно, вода там стекает каплями со скалы в овраг, обнесенный изгородью из терновника. Нонакрис же, близ которого протекает этот источник, — аркадский город неподалеку от Фенея.

75. Узнав об этих происках Клеомена, лакедемоняне устрашились и возвратили его в Спарту, где он стал, как и прежде, царем. Тотчас же по возвращении его поразил недуг, именно безумие (впрочем, Клеомен уже и раньше был не совсем в уме): так, первому встречному в Спарте царь тыкал своей палкой в лицо. За такие безумные поступки родственники наложили на Клеомена ножные колодки. Уже связанный, Клеомен, увидев, что он наедине со

стражем, потребовал нож. Страж сначала не хотел давать, но царь стал грозить, что заставит его потом поплатиться, пока том в страхе от угроз (это был илом) не дал ему нож. Схватив это железное орудие, царь принялся увечить свое тело, начиная от голеней. Он изрезал мясо [на теле] на полосы: от голеней до ляжек и от ляжек до бедер и паха, Дойдя до живота, Клеомен и его изрезал на полосы и таким образом скончался. Большинство эллинов утверждает, что такая смерть постигла царя за то, что он подкупил Пифию, заставив ее дать несправедливое изречение о Демарате [69]. Только одни афиняне приводят другую причину смерти: именно то, что при вторжении в Элевсин [70] царь велел вырубить священную рощу богинь. А по словам аргосцев, причиной смерти Клеомена было то, что он выманил из святилища Аргоса бежавших туда после битвы аргосцев и приказал изрубить их и даже священную рощу безрассудно предал огню.

 76. Клеомен ведь вопрошал дельфийский оракул и в ответ получил изречение, что завоюет Аргос. Во главе спартанского войска царь прибыл к реке Эрасину, которая, как говорят, вытекает из Стимфальского озера. Озеро же это изливается в невидимую расселину и снова появляется на поверхность в Аргосе, где его воды аргосцы называют [рекой] Эрасином. И вот, подойдя к этой реке, Клеомен принес ей жертву. Однако знамения оказались все-таки неблагоприятными для переправы. Царь заявил, что очень хвалит Эрасин за то, что тот не выдает своих земляков, но аргосцев все-таки постигнет кара. Затем он отвел свое войско в Фиретю, принес в жертву быка и потом на кораблях переправился в Тиринфскую землю и в Навлию.

 77. При вести о его высадке аргосцы выступили с войском к морю. Близ Тиринфа, в той местности, где лежит [селение] по

имени Сепия, на небольшом расстоянии от врага аргосцы расположились станом. Открытое сражения аргосцы не боялись, опасаясь только, как бы их коварно не захватили врасплох. На это действительно указывало изречение оракула, данное Пифией им одновременно с милетянами. Оракул гласил так [71]:

Если же в битве жена одолеет когда либо мужа,
Дав изгнанье в удел, меж аргивян же славу стяжает,
Много аргивянок станет свой лик от печали царятъ.
Скажет тогда кто нибудь из грядущих потомков [аргосских]:
“Страшный в извивах дракон [72] погиб, копием прободенный”.

Все это привело аргосцев в ужас, и они решили поэтому подражать действиям глашатая врагов. А решив так, они стали действовать вот как. Когда спартанский глашатай что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и [глашатай] аргосцев повторял его слова.

 78. Клеомен заметил, что аргосцы делают все, что объявляет его глашатай, и приказал воинам по знаку глашатая к завтраку взяться за оружие и идти в атаку на аргосцев. Так лакедемоняне и поступили. Когда аргосцы по знаку глашатая приступили к завтраку, лакедемоняне напали на них и многих перебили, а еще большую часть, которая нашла убежище в [священной] роще Аргоса, окружили и держали под стражей.

 79. Тогда Клеомен сделал вот что. Узнав от передежчиков имена запертых в святилище аргосцев, он велел вызывать их поименно, объявляя при этом, что получил уже за них выкуп (выкуп же за каждого пленника установлен у пелопоннесцев по 2 мины). Так Клеомен вызвал одного за другим около 500 аргосцев и казнил их. Оставшиеся в святилище не знали об их судьбе, так как роща была густая и те, кто там находился, не могли видеть, что происходит снаружи, пока кто-то из них не влез на дерево и не увидел сверху,

что там творится. Тогда, конечно, никто уже больше не вышел на зов.

80. Тогда Клеомен приказал всем илотам навалить вокруг [святилища] дров и затем поджечь рощу [73]. Когда роща уже загорелась, царь спросил одного из перебежчиков: какому божеству она посвящена. Тот сказал, что это – роща Аргоса. Услышав такой ответ, Клеомен с глубоким вздохом сказал: “О, прорицатель Аполлон! Сколько жестоко ты обманул меня твоим изречением, что я завоюю Аргос! Я полагаю, что пророчество это теперь исполнилось”.

81. После этого Клеомен отправил большую часть своего войска в Спарту, а [сам] с 1000 отборных воинов направился к храму Геры совершить жертвоприношение. Когда он хотел начать там приносить жертву на алтаре, жрец запретил ему, сказав, что чужеземцам не дозволено приносить жертвы. Тогда Клеомен приказал илотам прогнать жреца от алтаря и подвергнуть бичеванию. Царь принес жертву сам и затем возвратился в Спарту.

82. По возвращении враги Клеомена привлекли его к суду эфоров, утверждая, что царь дал себя подкупить и поэтому не взял Аргоса, который можно было захватить. В свою защиту Клеомен объявил (я не могу с уверенностью сказать, лгал ли он или говорил правду): после взятия святилища Аргоса он, дескать, решил, что предсказание бога сбылось. Поэтому он счел неразумным нападать на город, пока не принесет жертвы и не узнает, отдаст ли божество в его руки город или воспрепятствует ему. Но когда он стал приносить жертвы в святилище Геры, то из груди кумира сверкнуло пламя. Таким образом, он совершенно ясно понял, что не возьмет Аргоса. Если бы пламя сверкнуло из головы кумира, то он, наверно, взял бы город и акрополь. Но так как пламя воссияло из

груди, то он понял, что совершил все так, как желало божество. Эти слова Клеомена показались спартанцам убедительными и правдоподобными, и он был оправдан значительным большинством голосов.

 83. Аргос же настолько опустел, что рабы захватили там верховную власть и управляли всеми делами до тех пор, пока сыновья погибших не возмужали. Тогда они вновь отвоевали Аргос и изгнали рабов. Изгнанные же рабы силой оружия овладели Тиринфом. Некоторое время у аргосцев с изгнаниками рабами были дружественные отношения. Затем к рабам пришел прорицатель Клеандр, родом из Фигалии, в Аркадии. Этот человек убедил рабов напасть на своих господ. С тех пор началась у них долгая война, пока, наконец, аргосцы с трудом не одолели врага [74].

 84. Так вот, это то и было, по словам аргосцев, причиной безумия и ужасной гибели Клеомена. Сами же спартанцы утверждают, что божество вовсе не виновно в безумии царя: общаясь со скифами, он научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие. После вторжения Дария в их страну скифы кочевники вознамерились отомстить царю. Они отправили в Спарту послов и заключили союз с лакедемонянами. При этом было решено, что сами скифы сделают попытку вторгнуться в Мидию вдоль течения реки Фасиса [75], в то время как спартанцы из Эфеса направятся внутрь [персидской] страны на соединение со скифами. Клеомен же, как говорят, когда скифы прибыли [в Спарту] для переговоров, слишком часто общался со скифами; общаясь же с ними больше, чем подобало, он научился у них пить неразбавленное вино. От этого то, как думают, спартанский царь и впал в безумие. С тех пор спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: "Наливай по скифски".

Так рассказывают спартанцы о Клеомене. Я же думаю, что этим [безумием] он искупил свой поступок с Демаратором.

85. Между тем эгинцы, узнав о кончине Клеомена, отправили вестников в Спарту принести жалобу на Левтихид по делу о заложниках, содержавшихся в Афинах. Лакедемоняне же тогда назначили суд. Суд постановил, что Левтихид причинил эгинцам великую несправедливость и за это его следует выдать им на Эгину вместо заложников, задержанных в Афинах. Когда эгинцы собирались уже увести Левтихид, то Феасид, сын Леопрепея, уважаемый в Спарте человек, сказал им: “Что вы задумали делать, эгинцы? Спартанского царя увести, которого вам выдали его сограждане? Если ныне спартанцы в своем гневе даже и вынесли такое решение, то берегитесь, как бы потом, если вы это сделаете, они не погубили вашу страну”. Выслушав эти слова, эгинцы отказались от своего намерения увести с собой царя. Однако они договорились, что Левтихид отправится в Афины и вернет им заложников.

86. Левтихид прибыл в Афины и потребовал выдачи заложников. Афиняне же, не желая выдавать их, выставляли [разные] отговорки. Так, они говорили, что заложников им передали оба царя и они теперь не могут их выдать одному царю без согласия другого. Когда же афиняне [решительно] отказались, Левтихид сказал им вот что: “Афиняне! Поступайте, как хотите. Но если вы отадите заложников, поступите справедливо. Если же не отадите, совершите несправедливость. Я хочу рассказать вам, что произошло однажды в Спарте с оставленным на хранение добром. У нас, спартанцев, есть предание, что за три поколения до нашего времени жил в Лакедемоне некий человек, по имени Главк, сын Эпикита. Он был во всех отношениях выдающимся человеком в Лакедемоне, и в особенности слыл самым честным человеком среди тогдашних

лакедемонян. Однажды случилось с ним вот что. Прибыл в Спарту один милемянин, посетил Главка и сделал ему такое предложение: "Я – милемянин и пришел к тебе, Главк, желая воспользоваться твоей честностью. Ведь по всей Элладе и даже в Ионии идет о ней громкая слава. Я подумал, как все-таки жизнь в Ионии с давних пор сопряжена с опасностями [76] и сколь прочно положение у вас в Пелопоннесе. Ведь у нас, в Ионии, никогда богатый не может рассчитывать на сохранность своих денег. И вот, поразмыслив так, я решил половину всего моего состояния превратить в деньги и отдать тебе на хранение, так как уверен, что в твоих то руках они будут в сохранности. Итак, возьми мои деньги, а эти [опознавательные] таблички [77] сохрани. Кто, предъявив их, потребует деньги, тому и отдай". Так сказал чужеземец из Милема, а Главк принял сданные ему на указанных условиях деньги. Прошло много времени, и тогда прибыли в Спарту сыновья того человека, вверившего деньги Главку. Они явились к Главку и, показав [опознавательные] таблички, потребовали возвращения денег. А тот отказал им, ответив вот что: «Я не знаю об этом деле и не могу припомнить ничего из того, о чем вы говорите. Однако если вспомню, то желаю поступить по справедливости. Ведь если я [действительно] получил деньги, то должен честно их вернуть. Если же я вовсе их не получал, то поступил по эллинским законам. Четыре месяца даю вам сроку от сегодняшнего дня, чтобы доказать ваши требования». Печально возвратились милемяне домой, думая, что лишились уже своих денег. А Главк отправился в Дельфы вопросить оракул. Когда же он вопросил оракул, должен ли он присвоить деньги ложной клятвой, то Пифия грозно изрекла ему в ответ такие слова:

Сын Эпикрида, о Главк: сейчас тебе большие корысти
Клятвою верх одержать, вероломной, и деньги присвоить.

Ну же, клянись, ибо смерть ожидает и верного клятве.
Впрочем, у клятвы есть сын, хотя безымянный, безрукий,
Он и безногий, но быстро настигнет тебя, покуда не вырвет
С корнем весь дом твой и род не погубит,
А доброклятвенный муж и потомство [78] оставит благое.

Услышав этот оракул, Главк попросил у бога прощения за свой вопрос. Пифия же ответила, что испытывать божество и приносить ложную клятву – одно и то же. Тогда Главк послал за чужеземцами милетянами и отдал им деньги. А я, афиняне, хочу теперь объяснить, чего ради я рассказал эту повесть. Не осталось теперь ни Главкова потомства, ни дома, который носил его имя в Спарте: с корнем вырван его род. Поэтому вся кому, у кого требуют возвращения заклада, следует думать только о том, чтобы вернуть его собственникам". Так говорил Левтихид. А афиняне и тогда не вняли его словам, и царю пришлось возвратиться домой [ни с чем].

 87. Эгинцы же, не искупив еще своих прежних обид, которые они дерзко в угоду фиванцам нанесли афинянам, сделали вот что. В гневе на афинян и почитая себя обиженными, эгинцы стали готовиться к мщению. Во время празднества, справляемого афинянами каждые пять лет, у Суния [79], они подстерегли и захватили священный корабль со знанными афинянами. Захватив корабль, эгинцы бросили затем пленников в оковы.

 88. Тогда афиняне решили немедленно всеми доступными средствами наказать эгинцев. Жил тогда на Эгине почтенный человек по имени Никодром, сын Кнефа. Он затаил злобу на эгинцев за свое прежнее изгнание с острова. Прослышав, что афиняне готовы напасть на Эгину, Никодром задумал предать афинянам свой родной

город. Он назначил уже срок восстания и день, когда афиняне должны прийти на помощь.

89. После этого в определенный день Никодром овладел так называемым старым городом. Афиняне же не явились вовремя, так как у них не было достаточно кораблей, чтобы сразиться с эгинским флотом. Пока афиняне упрашивали коринфян дать им корабли, все предприятие рухнуло. Коринфяне, которые были тогда в большой дружбе с афинянами, дали, правда, им 20 кораблей (продав по 5 драхм каждый, так как дарить по закону запрещалось). С этими кораблями, прибавив к ним еще своих (всего 70 кораблей) и посадив на них экипаж, афиняне отплыли на Эгину, но запоздали на один день.

90. Так как афиняне не явились в назначенное время, то Никодруму пришлось сесть на корабль и бежать с Эгина. За ним последовали и другие эгинцы. Афиняне поселили их на Сунии, откуда эти люди устраивали разбойничьи набеги на остров. Впрочем, это происходило уже позднее.

91. Богатые [80] эгинцы одолели тогда [простой] народ, восставший вместе с Никодромом, и повели затем захваченных в плен повстанцев на казнь. С тех пор они навлекли на себя проклятие, которое не смогли уже искупить жертвами, несмотря на все старания. И только после изгнания [богачей] с острова богиня вновь стала милостивой к ним. Ведь тогда они захватили в плен живыми 700 человек из народа и предали казни. Одному из пленников удалось вырваться из оков и бежать к портику святилища Деметры Фесмофоры. Ухватившись за дверное кольцо, он крепко держался. Преследователи, несмотря на все усилия, не могли оттащить его. Тогда они отрубили руки несчастному и увели на казнь. А руки его, словно приросшие к дверному кольцу, продолжали висеть [81].

92. Вот как свирепствовали эгинцы против своих же сограждан! По прибытии афинян на 70 кораблях произошло морское сражение. Эгинцы были разбиты и, как и прежде, [снова] обратились за помощью к аргосцам. На этот раз аргосцы, однако, ответили отказом: они обиделись на эгинцев за то, что эгинские корабли, конечно вынужденные Клеоменом, направились в Арголиду и высадили там лакедемонское войско. При этом вторжении высадили войско также и сикионские корабли. Аргосцы наложили за это на Эгину и Сикион 1000 талантов штрафа – по 500 талантов на каждый город [82]. Сикионцы признали свою вину и согласились искупить ее, уплатив 100 талантов. Эгинцы же не только отвергли виновность, но держались даже слишком заносчиво. Поэтому-то теперь ни один аргосец не пришел на помощь эгинцам от имени государства. Все же около 1000 добровольцев под предводительством Еврибата, искусного борца в пятиборье [83], прибыло [на остров].
Большинство этих добровольцев не вернулось домой: их перебили афиняне на Эгине. Сам же их предводитель Еврибат одолел в единоборстве трех противников и был убит четвертым – Софаном из Декелей.

93. Эгинцы же со своими кораблями напали на афинские корабли, стоявшие в беспорядке, и нанесли им поражение. Четыре афинских корабля с экипажем попали в руки неприятелей.

94. Так-то афиняне начали войну с эгинцами. Между тем персидский царь стал приводить в исполнение свои замыслы. Ведь слуга постоянно напоминал царю не забывать об афинянах, а Писистратиды не переставали клеветать на афинян и возбуждать против них Дария. Вместе с тем Дарий намеревался под предлогом похода на афинян подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды. За неудачу в походе царь отстранил Мардония от

должности. На его место он назначил двух новых военачальников, именно мидянина Датиса и Артафrena, сына Артафrena, своего племянника, и затем отправил их против Эретрии и Афин. Послал же их царь с приказанием обратить в рабство жителей Афин и Эретрии и привести пред его царские очи.

95. Эти назначенные вновь военачальники во главе многочисленного и прекрасно снаряженного войска прибыли на Алейскую равнину в Киликии. Пока они стояли там станом, подошел и весь флот (каждый приморский город был обязан выставлять корабли). Прибыли также и грузовые суда для перевозки лошадей (эти суда Дарий велел построить в прошлом году своим данникам). Погрузив лошадей на эти суда и посадив пехотинцев на корабли, персы отплыли на 600 триерах в Ионию. Оттуда, однако, они взяли курс не прямо вдоль берегов Геллеспонта и Фракии, но из Самоса поплыли мимо Икара от острова к острову. Как мне кажется, они прежде всего страшились обвежда вокруг Афона, где в прошлом году им пришлось испытать великое бедствие. Кроме того, и Наксос, все еще не захваченный [84], вынуждал их держаться этого курса.

96. Из Икарийского моря персы подошли к Наксосу (на этом остров они прежде всего решили напасть). Наксосцы же, помня прежнюю осаду, не стали ждать нападения и бежали в горы. Персы же обратили в рабство попавшихся в их руки жителей и сожгли святилище и город. Затем они отплыли к другим островам.

97. Тем временем делосцы, так же как наксосцы, покинув свой остров, поспешно бежали на Тенос. Когда персидский флот появился [у острова], Датис, плывший впереди, приказал кораблям не бросать якорь возле острова, но по другую сторону, у Ренеи. Сам же Датис, узнав, где находятся делосцы, велел через глашатая сказать им

следующее: “Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств [85], и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове”. Это Датис велел сообщить делосцам через глашатая. Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний [86], он воскурил фимиам.

98. После этого жертвоприношения Датис отплыл со своими кораблями, на которых находились ионяне и эолийцы, сначала в Эретрию. На Делосе же после его отплытия произошло землетрясение, первое и единственное, как меня уверяли делосцы, до нашего времени. Быть может, этим знамением бог желал указать людям на грядущие бедствия. Ведь за время царствования Дария, сына Гистаспа, Ксеркса, сына Дария, и Артаксеркса, сына Ксеркса, на протяжении этих трех поколений Эллада испытала большие невзгоды, чем за 20 поколений до Дария. Эти невзгоды постигли Элладу отчасти по вине персов, отчасти же по вине главных эллинских городов, боровшихся за первенство[87]. Поэтому и нет ничего невероятного в том, что на Делосе случилось землетрясение, чего никогда раньше не было. Об этом было сказано также в изречении оракула:

Делос я поколеблю, хоть неколебим он доселе.

На эллинском языке имена персидских царей означают вот что: Дарий – деятельный, Ксеркс – Воин, Артаксеркс – Великий Воин, и мы могли бы совершенно правильно этих царей так и называть на нашем языке [88].

99. Отплыв с Делоса, варвары приставали к островам, набирали там войско и брали в заложники детей островитян. Так,

плывя от острова к острову, они прибыли к Каристу. Каристийцы ведь не дали персам заложников и отказывались воевать против соседних городов, именно против Эретрии и Афин. Поэтому персы начали осаждать их город и опустошать их землю, пока каристийцы не подчинились.

100. Когда эретрийцы узнали, что персидский флот плывет против них, то обратились за помощью к афинянам. Афиняне же не отказали в поддержке и послали на помощь 4000 своих клерухов, владевших землей халкидских гиппоботов [89]. Это решение эретрийцев, по-видимому, было вовсе неразумным: ведь они призвали на помощь афинян, но согласия между ними не было. Одни хотели покинуть город и бежать в горы на Эвбее, а другие в надежде на личные выгоды от персов замышляли измену. Один влиятельный эретриец – Эсхин, сын Нофона, осведомленный об этих замыслах, сообщил прибывшим афинянам о положении дел; он просил афинян вернуться домой, чтобы не погибнуть вместе с ними. Афиняне же послушались этого совета Эсхина.

101. Они переправились в Орон и спаслись. Персы же пристали к берегу у Тамин, Херей и Эгилии в Эретрийской области [90]. Овладев этими местечками, персы тотчас же стали высаживать свою конницу и приготовились к битве. Эретрийцы же решили не выходить из города и не вступать в бой. Они заботились только о защите своего города, так как в конце концов приняли решение не покидать его. Шесть дней шла жестокая схватка у стен города и с обеих сторон пало много воинов. На седьмой же день Евфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Кинея, – два знаменных эретрийских горожанина – предали город персам. Персы вошли в город, разграбили и сожгли храм в возмездие за сожженное святилище в Сардах, а жителей по повелению Дария обратили в рабство.

102. После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. Они загоняли афинян в теснину, полагая, что те поступят так же, как эретрийцы. Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий, сын Писистрата.

103. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов [91]. Десятый был Мильтиад. Отец его Кимон, сын Стесагора, был изгнан из Афин Писистратом, сыном Гиппократа. Во время изгнания ему случилось победить в Олимпии [в состязании] с четверкой коней. Одержав ату победу, Кимон получил такую же награду, что и его единогубранный брат Мильтиад. На следующий раз Кимон опять победил в Олимпии на этих конях и позволил провозгласить победителем Писистрата. Уступив победу Писистрату, Кимон получил по договору возможность вернуться в Афины. На этих же конях он и в третий раз одержал победу в Олимпии. Затем, когда самого Писистрата уже не было в живых, Кимон был умерщвлен сыновьями Писистрата [92]. Они приказали наемным убийцам убить Кимона ночью из засады вблизи пританея. Погребен Кимон перед городскими воротами за улицей под названием “Через Келу” [93]. Напротив похоронили его коней, которые трижды одержали победу в Олимпии. Такой подвиг совершили ранее только кони лаконца Евагра, а, кроме них, больше ничьи. Старший сын Кимона Стесагор воспитывался тогда у своего дяди Мильтиада на Херсонесе, а младший жил у Кимона в Афинах. Он был назван Мильтиадом по имени основателя поселения на Херсонесе Мильтиада.

104. Итак, этот Мильтиад после возвращения из Херсонеса был тогда стратегом афинян. Дважды ему удалось

избежать смерти: первый раз финикияне преследовали его до Имброза, во что бы то ни стало стараясь захватить и доставить к царю. Затем, избежав преследования финикиян, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом.

105. Находясь еще в походе, стратеги прежде всего отправили в Спарту глашатаем афинянина Фидиппida, который был скороходом и сделал себе из этого даже ремесло. Как потом рассказывал и уверял афинян сам Фидиппид, на горе Парфений [94], что выше Тегеи, ему явился бог Пан. Бог окликнул Фидиппida по имени и велел сказать афинянам, почему они так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам, часто прежде им помогал и впредь также будет полезен. И действительно, афиняне, поверив истинности слов Фидиппida, когда настали для них вновь лучшие времена, воздвигли святынице Пана у подошвы акрополя [95] и с тех пор ежегодно умилостивляют его жертвами и устраивают бег с факелами.

106. Итак, посланный стратегами из Афин, этот Фидиппид (по дороге, как он говорил, ему явился Пан) на второй день прибыл в Спарту. Там он предстал перед властями и сказал вот что: "Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом". Так Фидиппид исполнил данное ему поручение; лакедемоняне же решили помочь афинянам. Тотчас же они, однако, не могли этого сделать, не желая нарушить закон. Это ведь был как раз девятый

день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной [96].

107. Так вот, лакедемоняне ждали полнолуния, а Гиппий, сын Писистрата, тем временем вел варваров к Марафону. В минувшую ночь Гиппий видел такой сон. Ему приснилось, будто он спал со своей собственной матерью. Сон этот он истолковал так, что он вернется в Афины, отвоюет себе власть и затем окончит свои дни в старости на родной земле. Так он объяснил свое видение. Тогда Гиппий велел переправить пленников из Эретрии, которых он вез с собою, на остров стирейцев под названием Эгилия; кораблям же приказал бросить якорь у Марафона, а после высадки расположил войско в боевом порядке. Между тем на Гиппия напали чихание и приступ кашля сильнее обычного. А так как у него, как у человека уже старого, большая часть зубов шаталась, то один зуб от сильного кашля даже выпал. Зуб упал на песок, и Гиппию стоило больших усилий егоискать, но зуб не находился. Тогда Гиппий со вздохом сказал своим спутникам: "Нет! Это не наша земля, и мы ее не покорим, ту часть ее, принадлежавшую мне по праву, взял теперь мой зуб".

108. Гиппий полагал, что сон его таким образом исполнился. К афинянам же у священной рощи Геракла [97] подошли на помощь со всем своим ополчением платейцы. Платейцы отдались под защиту афинян, и из-за них афиняне уже испытали много бедствий. А искали защиты платейцы у афинян вот как. Сначала они, теснимые фиванцами, обратились за помощью к Клеомену, сыну Анаксандрида, который находился поблизости с лакедемонянами. Однако лакедемоняне отказались, ответив так: "Мы живем слишком далеко, и вам наша помощь бесполезна. Ведь вас успеют десять раз продать в рабство, пока весть об этом дойдет до нас. Мы советуем

вам стать под защиту афинян. Они – ваши соседи и могут вас защитить". Этот совет лакедемоняне дали не столько из расположения к платейцам, сколько желая вовлечь афинян в мягостные распри с беотийцами. Платейцы же послушались их. И вот, когда афиняне приносили жертвы 12 богам, платейцы сели на алтаре как умоляющие и отдали свой город под покровительство афинян. Узнав об этом, фиванцы пошли войной на платейцев; афиняне же выступили на помощь платейцам. Обе стороны уже были готовы к бою, однако коринфяне не допустили кровопролития: они находились как раз поблизости и с согласия обеих сторон установили пограничную линию и уладили спор на таких условиях. Фиванцы должны оставить в покое беотийские города, которые не желают примкнуть к Беотийскому союзу. После этого решения коринфяне удалились. Беотийцы же напали на афинян, когда те возвращались домой, но потерпели поражение. Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асон и Гисии границей Фиванской и Платейской областей [98]. Таким образом, платейцы отдались под защиту афинян, а теперь прибыли на помощь к Марафону.

109. Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом [99] (афиняне ведь издревле давали полемарху равное право голоса со стратегами). Полемархом же был тогда Каллимах из Афин. К нему то и пришел Мильтиад и сказал вот что: "В твоих руках, Каллимах, сделать афинян рабами или же, освободив их, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не

воздвигали себе даже Гармодий и Аристогитон. Ведь с тех пор как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гиппия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из греческих городов. Как это возможно и почему именно решение в твоей власти, я сейчас тебе объясню. Мы – десять стратегов – разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие – нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасаюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо [из афинян] возникнет гнусный замысел [изменить], то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость. Все это теперь в твоей власти и зависит от тебя. Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным городом в Элладе. А если ты станешь на сторону противников битвы, тогда, конечно, мы погибли”.

110. Этими словами Мильтиад привлек Каллимаха на свою сторону. Когда полемарх присоединил свой голос в поддержку Мильтиада, то было окончательно решено дать бой врагу. Потом стратеги, голосовавшие за битву, когда пришел их черед быть главнокомандующими, уступили главное начальство Мильтиаду. А тот хотя и принял главное начальство, но все еще не начинал сражения, пока очередь командовать не дошла до него самого.

111. И вот, когда пришел по кругу черед командовать Мильтиаду, афиняне выстроились в боевом порядке для битвы вот как: начальником правого крыла был полемарх Каллимах (у афинян существовал тогда еще обычай полемарху быть во главе правого крыла)[100]. За правым крылом во главе с Каллимахом следовали

[аттические] филы одна за другой, как они шли по счету.

Последними выстроились на левом крыле платейцы. Со временем этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, спрашиваемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам. В то время когда афиняне строились в боевой порядок, на Марафонском поле случилось вот что: боевая линия эллинов оказалась равной персидской, но при этом центр ее составлял только немного рядов в глубину; здесь боевая линия была слабее всего, зато на обоих крыльях воины стояли более плотно.

 112. Окончив боевое построение, после того как выпали счастливые предзнаменования, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров [101]. Рассстояние же между обоими противниками было не меньше 8 стадий. При виде подходящих быстрым шагом врагов персы приготовились отразить атаку. Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного и притом они устремлялись на персов бегом без прикрытия конницы и лучников. Так думали варвары. Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первыми из всех эллинов, насколько мне известно, напали на врагов бегом и не устрашились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов.

 113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки [102], одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльяхдерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с

врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их.

 114. В этой битве пал доблестно бившийся с врагом полемарх [Каллимах], а из стратегов – Стесилай, сын Фрасила, потомок Кинегир, сын Евфориона (ему отрубили руку секирой, когда он ухватился за изогнутую часть корабельной кормы). Затем погибло также много других знатных афинян.

 115. Семь кораблей захватили таким образом афиняне. На остальных же варвары снова вышли в море. Затем, захватив с собой оставленных на острове пленников в Эретрии, персы стали огибать Суний, стремясь прибыть к Афинам раньше афинского войска. Афиняне подозревали, что персы задумали этот [маневр] по коварному наущению Алкмеонидов: говорили, что Алкмеониды, условившись с персами, когда те уже были на кораблях, дали им сигнал идти.

 116. Пока персы огибли Суний [103], афиняне со всех ног спешили на защиту родного города и успели прибыть туда раньше варваров. И как они прибыли от святилища Геракла в Марафоне, так теперь остановились и разбили стан у другого Гераклова святилища, что в Киносарге. Варварский же флот появился и стал против Фалера (тогда это была гавань афинян); затем, простояв на якоре в открытом море выше Фалера, варвары отплыли назад в Азию.

 117. В этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека [104]. Таковы были потери обеих сторон. Случилось в этой битве также удивительное происшествие.

Один афинянин, по имени Эпизел, сын Куфагора, доблестно сражавшийся в битве, лишился зрения, не будучи поражен ни мечом, ни стрелой. С этого времени он ослеп и остался слепым на всю остальную жизнь. Как я слышал, он сам рассказывал об этом приблизительно вот что: предстал ему тяжеловооруженный воин огромного роста, борода которого закрывала весь щит. Призрак этот прошел, однако, мимо него, но поразил стоявшего с ним рядом воина. Так, говорили мне, рассказывал Эпизел.

 118. Когда Датис на пути в Азию прибыл на Миконос, предстало ему сновидение. Что это было за сновидение, об этом не говорят. А он приказал с наступлением дня обыскать свои корабли. На одном финикийском корабле была найдена позолоченная статуя Аполлона. Датис велел узнать, откуда она похищена. Узнав, из какого святилища ее захватили, Датис отплыл на своем корабле на Делос. Там он поставил статую в святилище, а делосцам, которые тогда уже возвратились на свой остров, приказал отвезти ее в фиванский Делий (город этот лежит на побережье против Халкиды)[105]. Затем, отдав эти приказания, Датис снова отплыл. Делосцы же не отвезли эту статую на место, и только двадцать лет спустя сами фиванцы по велению бога возвратили ее в Делий.

 119. По прибытии с флотом в Азию Датис и Артаффрен привели пленных эретрийцев в Сусы. Царь Дарий распался на эретрийцев страшным гневом (еще до их плена) за то, что они первыми начали борьбу с персами. Увидев теперь приведенных к нему эретрийцев в своей власти, царь не причинил им никакого зла, но приказал поселить их в области Киссия в своем поместье по имени Ардерикка. Ардерикка находится в 210 стадиях от Сус и в 40 стадиях от известного колодца, откуда добывают три разнородных

вещества: именно из этого колодца вычерпывают асфальт, соль и масло следующим образом [106]. Асфальт вычерпывают с помощью колодезного журавля, а вместо ведра прицепляют к нему пол винного бурдюка. Погрузив бурдюк, зачерпывают им жидкость и выливают в сосуд. Затем жидкость переливается в другой сосуд, где она разлагается на три составные части. Асфальт и соль тотчас же осаждаются. Масло же [...] [107] Персы называют его "раданака", оно черного цвета с неприятным запахом [108]. Здесь то и поселил эретрийцев царь Дарий. В этой местности они живут еще и до нашего времени и сохранили родной язык. Такова была судьба эретрийцев.

120. После полнолуния прибыло в Афины 2000 лакедемонян. Они двигались так быстро, стараясь прийти вовремя, что были уже на третий день по выступлении из Спарты на Аттической земле. Несмотря на то, что спартанцы опоздали к сражению, они все же хотели посмотреть на павших мидян. Они прибыли в Марафон, осмотрели поле битвы и затем, воздав хвалу афинянам за победу, возвратились домой.

121. Меня удивляют и представляются совершенно невероятными толки о том, будто Алкмеониды действительно вступили тогда в соглашение с персами и подняли даже сигнальный щит персам, желая предать афинян под иго варваров и Гиппия. Ведь они были такими же или еще большими ненавистниками тиранов, как Каллий, сын Фениппа, отец Гиппоника. Этот Каллий, один из всех афинян, осмелился после изгнания Писистрата из Афин купить объявленные через глашатая к продаже имения тирана. И по всякому поводу Каллий проявлял свою смертельную вражду к Писистрату [109].

122. Этот-то Каллий заслуживает того, чтобы о нем часто вспоминали. Ведь, как было уже сказано, он не только храбро защищал свободу родины, но завоевал первую награду в Олимпии на беговой лошади, а на четверке – вторую. На Пифийских играх он уже прежде получил награду и своей роскошью прославился по всей Элладе. А затем, каким щедрым отцом он стал для своих трех дочерей! Когда дочери достигли брачного возраста, он роскошно одарил их и позволил каждой выбрать себе среди афинян мужа, какого она сама хотела, и тому отдал ее.

123. Такую же великую ненависть, как он, питали к тиранам и Алкмеониды. Поэтому-то я удивляюсь и не могу поверить клевете, будто они подняли [персам] сигнальный щит. Ведь все время правления тиранов Алкмеониды провели в изгнании, и их стараниями Писистратиды лишились власти. Поэтому, я думаю, они были еще в гораздо большей степени освободителями Афин, чем сами Гармодий и Аристогитон. Ведь умерщвление ими Гиппарха только ожесточило оставшихся в живых Писистратидов, но не покончило с тиранией. Алкмеониды же действительно освободили Афины, по крайней мере, если верно, что они склонили Пифию повелеть лакедемонянам, как я рассказал об этом выше, освободить Афины.

124. Но, быть может, Алкмеониды предали свой родной город в раздражении на народ афинский? Напротив, в Афинах не было знатнее и более уважаемых людей, чем они, и потому даже невероятно, что они с такой целью могли поднять [сигнальный] щит. Щит был тогда действительно поднят – этого нельзя отрицать, потому что это правда. Но кто все-таки его поднял – я не могу ничего большего об этом сказать.

125. Алкмеониды были в Афинах уже издревле знамениты. Со времен же Алкмеона и Мегакла они достигли высокого почета. Алкмеон, сын Мегакла, оказал помощь лидийцам, прибывшим из Сард от Креза к дельфийскому оракулу, и заботился о них[110]. Услышав от своих послов к оракулу об услугах Алкмеона, Крез просил его прибыть в Сарды. Когда Алкмеон приехал в Сарды [111], царь дал ему в подарок столько золота, сколько он мог сразу унести на себе. Алкмеон же ухитрился еще умножить этот щедрый дар. Он облекся в длинный хитон, оставил на нем глубокую пазуху. На ноги он надел самые большие сапоги, которые только можно было найти. В таком одеянии Алкмеон вошел в сокровищницу, куда его ввели. Бросившись там на кучу золотого песка, Алкмеон сначала набил в сапоги сколько вошло золота. Потом наполнил золотом всю пазуху, густо насыпал золотого песку в волосы на голове и еще набил в рот. Выходя из сокровищницы, Алкмеон еле волочил ноги и был похож скорее на какое то другое существо, чем на человека. Рот его был полон, и вся одежда набита золотом. При виде этого Крез не мог удержаться от смеха и не только оставил все унесенное им золото, но еще и добавил не меньше. Так-то этот дом чрезвычайно разбогател. Алкмеон же этот держал четверку лошадей и победил в Олимпии, получив награду [112].

126. Одним поколением позже Клисфен, тиран Сикионский, настолько возвысил дом Алкмеонидов, что он стал еще более славен в Элладе. У Клисфена, сына Аристонима, внука Мирона, правнука Андрея, была дочь по имени Агариста. Дочь эту он пожелал отдать в жены тому из эллинов, кого он найдет самым доблестным [113]. На Олимпийских играх Клисфен одержал победу с четверкой коней и велел объявить через глашатая: кто среди эллинов считает себя достойным быть зятем Клисфена, может на 60 й день или раньше

прибыть в Сикион (так как Клисфен решил отпраздновать свадьбу дочери в течение года, начиная с 60го дня). Тогда все эллины, которые гордились своими предками и родным городом, отправились свататься в Сикион. Для развлечения гостей Клисфен велел устроить конское ристалище и гимнастические состязания.

127. Из Италии прибыл Сминдирид, сын Гиппократа из Сибариса [114], человек, утопавший в роскоши (ведь Сибарис в то время достиг вершины процветания). Из Сириса приехал Дамас, сын Амириса, по прозванию Мудрого. Это были женихи из Италии. С побережья Ионийского залива приехал Амфимнес, сын Эпистрофа из Эпидамна. Этот человек прибыл с побережья Ионийского залива. Из Этолии приехал брат Титорма Малес, того Титорма, который был сильнейшим из всех эллинов, но бежал от людей на окраину Этолийской земли. Из Пелопоннеса прибыл Леокед, сын Фидона, тирана Аргоса, того самого Фидона, который ввел в Пелопоннесе меры и вес [115] и был самым дерзостным из всех эллинов: он изгнал элейских судей на [Олимпийских] играх и сам руководил олимпийскими состязаниями. Сын этого-то человека и прибыл [в Сикион], а также Амиант, сын Ликурга, аркадец из Трапезунта, азанец Лафан из города Пея, сын Евфориона, того Евфориона, который, по аркадскому сказанию, принял в своем доме Диоскуров и с тех пор оказывал гостеприимство всем странникам. Затем – элеец Ономаст, сын Агая. Эти женихи приехали из самого Пелопоннеса, а из Афин прибыл Мегакл, сын Алкмеона, который посетил Креза, и другой жених – Гиппоклид, сын Тисандра, самый богатый и красивый человек в Афинах. Из Эретрии же, которая в то время процветала, приехал Лисаний (единственный жених с Евбеи). Из Фессалии прибыл Диахторид – один из Скопадов из города Краннона, и Алкон из земли молоссов. Столько явилось женихов.

128. Когда эти женихи прибыли к назначенному сроку, Клисфен сначала спрашивался у каждого из них о родном городе и его роде. Затем, удерживая женихов у себя целый год, тиран испытывал их доблесть, образ мыслей, уровень образования и характер. При этом он беседовал с каждым отдельно и со всеми вместе. Для более молодых женихов он устраивал гимнастические состязания, особенно же наблюдал их [поведение] на общих пирах. Во все время пребывания женихов в Сикионе Клисфен поступал так и при этом роскошно угощал их. Больше всех пришлись ему по сердцу женихи из Афин и среди них особенно сын Тисандра Гиппоклид, которого он ценил не только за доблесть, но и за исконное родство с Кипселидами в Коринфе.

129. Между тем наступил день свадебного пиршества, и Клисфен должен был объявить, кого из женихов он выбрал. Тогда Клисфен принес в жертву 100 быков [116] и пригласил на пир женихов и весь Сикион. После угождения женихи начали состязаться в песнях и откровенно шутливых рассказах. В разгаре пиршества Гиппоклид, который всецело завоевал внимание остальных гостей, велел флейтисту сыграть плясовую мотив. Когда тот заиграл, Гиппоклид пустился в пляс и плясал в свое удовольствие. Клисфен же смотрел на всю эту сцену мрачно и с неприязнью. Затем, немного отдохнув, Гиппоклид велел внести стол. Когда стол внесли, Гиппоклид сначала начал исполнять на нем лаконские плясовые коленца [117], а затем и другие – аттические. Наконец, упервшись головой о стол [и подняв ноги вверх], он стал выделывать коленца ногами. Уже при первом и втором танце Клисфен думал хотя и с ужасом, что этот бесстыдный плясун может стать его зятем, но все же еще сдерживался, не желая высказывать свое неудовольствие. Когда же он увидел, как том исполняет ногами пантомиму, то не

мог уже молчать и вскричал: “О, сын Тисандра, ты, право, проплясал свою свадьбу!”. А Гиппоклид ответил ему: “Что за дело до этого Гиппоклиду!”. Отсюда пошла известная поговорка о Гиппоклиде.

 130. Клисфен между тем, вдоворив молчание, обратился к собравшимся с такими словами: “Женихи моей дочери! Вы все мне любезны, и, если бы это только было возможно, я всем вам угодил бы, не отдавая предпочтения одному избраннику и не отвергая остальных. Но ведь дело идет только об одной девушке, и потому нельзя исполнить желание всех. Тем из вас, кто получит отказ, я даю по таланту серебра за то, что он удостоил меня чести породниться со мной, посвятившись к моей дочери, и должен был так долго пребывать на чужбине. А дочь мою Агаристу и отдаю в жены Мегаклу, сыну Алкмеона, по законам афинян”. Мегакл объявил о согласии обручиться с Агаристой, и тогда Клисфен назначил срок свадьбы.

 131. Вот каково было состязание женихов. Таким образом, слава Алкмеонидов разнеслась по всей Элладе. От брака же Мегакла с Агаристой родился Клисфен, который ввел филы и установил демократию в Афинах. Назван он был по имени деда по матери, тирана Сикионского. Так вот, этот Клисфен и Гиппократ были родными сыновьями Мегакла. А у Гиппократа был сын – другой Мегакл и дочь – другая Агариста (названная по Агаристе, дочери Клисфена). Она вышла замуж за Ксантиппа, сына Арифронса. Когда Агариста ожидала ребенка, то имела видение, во сне: ей представилось, что она родит льва. Несколько дней спустя она произвела на свет Перикла [118].

 132. Хотя Мильтиад и прежде был в почете у афинян, теперь же, после поражения персов при Марафоне, приобрел еще большие

влияния. Он потребовал у афинян 70 кораблей, войско и деньги, не сказав, однако, на какую землю собирается в поход. Мильтиад объявил только, что афиняне разбогатеют, если последуют за ним, а он, по его словам, поведет их в такую землю, где они легко добудут много золота. Так говорил Мильтиад, требуя корабли. Афиняне же прельстились такими посулами и дали корабли Мильтиаду.

133. С этим-то флотом Мильтиад взял курс на Парос. Поводом для похода он выставил то, что паросцы первыми начали войну, отправив свои триеры вместе с персами к Марафону. Это, конечно, был всего лишь предлог. На самом же деле он ненавидел паросцев за то, что один паросец – Лисагор, сын Тисия, оклеветал его перед персом Гидарном. Прибыв со своим флотом на Парос, Мильтиад стал осаждать паросцев, которые вынуждены были укрыться за стенами города. Затем через глашатая он потребовал от горожан 100 талантов и велел объявить, что в случае отказа он не уйдет, пока не возьмет города. Однако паросцы вовсе не собирались давать Мильтиаду денег, но изыскивали лишь средства защиты своего города: для этого они в наиболее уязвимых местах по ночам доводили стену до двойной высоты против прежнего.

134. До этих пор все эллины рассказывают об этих событиях одинаково. О дальнейшем же сами паросцы передают вот что. Мильтиад не знал, что предпринять. И вот явилась к нему женщина, родом с Пароса, по имени Тимо, служка [при храме] подземных богинь [119]. Тимо допустили к Мильтиаду, и она дала совет: если Мильтиад непременно желает взять Парос, то пусть поступит так, как она велит. После этого Мильтиад пробрался к холму перед городом и перескочил через ограду храма Деметры Фесмофоры [120], так как дверей он открыть не мог. Затем он

вступил в святилище, чтобы там что то (я не знаю что) сделать: либо унести с собой запретное, либо совершиТЬ что-нибудь еще. Однако уже у дверей святилища Мильтиада внезапно охватил страх, и он поспеши тем же путем назад и, спрыгивая со стены, вывихнул себе бедро. Другие, впрочем, утверждают, что он повредил себе только колено.

135. Так-то Мильтиад, почувствовав себя плохо, отплыл назад без сокровищ для афинян и не завоевав Пароса: за 26 дней осады он успел только опустошить остров. Когда же паросцы узнали, что служка [при храме] подземных богинь Тимо указала путь Мильтиаду, они решили наказать ее. После снятия осады они отправили в Дельфы послов. А послали они вопросить оракул: казнить ли им служку богинь за то, что она открыла врагам способ захватить родной город и показала Мильтиаду священные предметы, которые не подобает лицезреть ни одному мужчине. Пифия же запретила наказывать, объявив, что Тимо невиновна и призрак служки явился и склонил Мильтиада на путь бедствия только потому, что судьба определила ему печальную кончину. Такой ответ дала Пифия паросцам.

136. Афиняне же стали бранить Мильтиада по возвращении его с Пароса, и прежде всего Ксантипп, сын Арифронса. Он обвинил Мильтиада перед народом за обман афинян. Мильтиад хотя и присутствовал на суде, но сам не мог защищаться, так как бедро у него было поражено воспалением. Он лежал на ложе перед народным собранием, а друзья выступали в его защиту. Они подробно говорили о Марафонской битве и о взятии Лемноса: Мильтиад захватил Лемнос, отомстил пеласгам и передал остров афинянам. При голосовании народ поддержал Мильтиада, отклонив смертную казнь, но признал виновным и наложил пеню в 50 талантов [121]. После

этого Мильтиад скончался от гнойного воспаления бедра. А 50 талантов уплатил его сын Кимон.

137. Лемнос же Мильтиад, сын Кимона, завоевал вом каким образом [122]. Афиняне изгнали пеласгов из Аттики – справедливо ли или несправедливо они поступили – этого я не знаю, и могу лишь передать, что рассказывают другие. Именно, Гекатей, сын Гегесандра, в своей истории утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя[123]. Когда же афиняне увидели, что эта, прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана [124], их охватила зависимость и стремление вновь овладеть этой землей. Так-то афиняне без всякой иной причины изгнали пеласгов. Напротив, афиняне утверждают, что изгнали они пеласгов с полным правом [125]. Ведь пеласги, жившие у подошвы Гиметта, оттуда причиняли оскорблений афинянам. Дочери афинян постоянно ходили за водой к источнику Эннеакрунос (ведь в те времена у афинян и прочих эллинов еще не было рабов). Всякий раз, когда девушки приходили за водой, пеласги с заносчивым пренебрежением оскорбляли их. Но этого им было еще мало. В конце концов пеласги даже были пойманы на месте преступления, когда хотели напасть на Афины. А насколько афиняне выказали себя благороднее пеласгов, видно из того, что афиняне могли бы перебить их, когда разоблачили их коварные замыслы, но не пожелали этого, а приказали покинуть страну. Итак, изгнанные пеласги переселились в другие земли, и в том числе на Лемнос [126]. Таков рассказ Гекатея и таково предание афинян.

138. Жившие тогда на Лемносе пеласги хотели отомстить афинянам. Пеласги хорошо знали, когда афиняне справляют

празднества, и, снарядив 50 весельные суда, устроили засаду афинским женщинам во время празднества Артемиды в Бравроне. Похитив отсюда много женщин, они отплыли с ними на Лемнос и там сделали их своими наложницами. Когда у этих женщин родилось много детей, они стали учить младенцев аттическому языку и обычаям. Дети их не желали даже общаться с детьми пеласгийских женщин, и если мальчик пеласг был кого-нибудь из них, то все остальные сбегались на помощь и отстаивали своих. Кроме того, они считали даже, что имеют право на власть над детьми пеласгов и далеко превосходили их силой. Узнав об этом, пеласги стали держать совет. На совете пеласги с тревогой спрашивали себя, что же в таком случае станут делать эти мальчики, когда возмужают, если уж теперь они решились защищать друг друга против детей законных жен и пытаются заставить их подчиняться. Поэтому пеласги решили умертвить сыновей аттических женщин. Так они и сделали, а вместе с детьми умертвили и матерей их. За это то преступление и за [другие], совершенные прежде женщинами, убившими своих мужей, спутников Фоанта, все такие ужасные злодеяния в Элладе называют лемносскими.

139. После убийства пеласгами своих детей и жен земля их вовсе перестала плодоносить. Их женщины не были так плодовиты, как раньше. А также и скот. Голод и бездетность заставили их, наконец, отправить послов в Дельфы и просить об избавлении от этих бед. Пифия же повелела им дать удовлетворение афинянам, которое те сами им присудят. Тогда пеласги прибыли в Афины и объявили, что желают дать удовлетворение за причиненные обиды. Афиняне же приготовили в пританее самое красивое ложе, такое у них было, и рядом поставили стол, полный наилучших яств. Затем они потребовали от пеласгов отдать им свою землю в таком же прекрасном состоянии. На это пеласги ответили: "Когда корабль

при северном ветре совершим за один день путь из вашей страны в нашу, тогда и мы отдадим вам свою землю". Они знали, что это невозможно, так как Аттика лежит гораздо южнее Лемноса. Вот что случилось тогда.

140. А много лет спустя, когда афиняне владели уже Херсонесом на Геллеспонте [127], Мильтиад, сын Кимона, во время эгейских ветров, когда они дуют беспрерывно, прибыл на корабле из Элеунта на Херсонес на Лемнос и приказал пеласгам покинуть остров[128]. При этом он напомнил им изречение оракула, которое, как они думали, никогда не сбудется. Гефестиейцы подчинились, а миринейцы не хотели допустить, чтобы Херсонес принадлежал Аттике. Афиняне осаждали их город, пока они не сдались. Так-то афиняне во главе с Мильтиадом овладели Лемносом.

Примечания

Г.А.Стратановский

[1] 669. Ср. V 126.

[2] 670. Подобные “депортации” целых народностей практиковались властителями Вавилона, Ассирии и Персии (ср. так называемое “Вавилонское пленение”). Возможно, что Дарию пришла мысль переселить часть ионян в Финикию.

[3] 671. Гистией мог опираться на недовольные Дарием элементы в Малой Азии. Персидские заговорщики, вероятно, принадлежали к числу сторонников устраниенного Дарием сатрапа Орета (ср. III 120, 126, 128).

[4] 672. Уничтожение Аристагором тирании в Милеме послужило сигналом к низвержению тиранов в ряде ионийских городов и установлению так называемого народного правления. Тирания как демократическая диктатура была переходной властью. Как только власть аристократии была сокрушена, то городские элементы

стали воспринимать тиранию как пережиток, мешающий развитию рабовладения, свободного торгового оборота и демократических учреждений (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 116).

[5] 673. Т.е. Гимей и сатрапы II (лидийской) и III (фригийской) сатрапий Артафрен и Отан (ср. выше, V 122, 123).

[6] 674. В собрании в Панионии (на озере Микале) участвовали только представители восставших городов. Города, оставшиеся верными персам, не прислали делегатов. Во главе восстания стояли и “демократические” партии в городах, представляющие интересы торгово ремесленных кругов, заинтересованных в торговле с Понтом и в сбыте туда ремесленных изделий.

[7] 675. См. выше, V 37.

[8] 676. В подлиннике ἀγυρμοσύνη (блажь, тупое упрямство).

[9] 677. Геродот описывает здесь самый важный маневр античной военно морской тактики. Он был изобретен фокейцами и затем воспринят другими греческими городами. Нападающий корабль должен был пройти между двумя вражескими кораблями так, чтобы сломать им весла и лишить их маневренности. В образовавшийся прорыв входили затем другие корабли и охватывали вражеский флот с тыла. Воины с корабля, проходя мимо вражеских кораблей, освистали их градом стрел и камней, чтобы воспрепятствовать контрманевру. Подобная тактика требовала молниеносного исполнения приказа командой нападающего корабля и предполагала долгую тренировку. Против этого то и протестовали экипажи кораблей и воины.

[10] 678. Они предпочли, как и самосцы, снова принять изгнанных миранов. Геродот – поклонник Самоса делает все возможное, чтобы обелить Самос и династию Поликратидов: он оправдывает даже измену самосских стратегов в битве при Ладе и жестокости персов на острове (ср.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 94–95).

[11] 679. Хиосцы удачно провели в битве маневр, которому их обучил фокеец Дионисий.

[12] 680. Город Эфес не примкнул к восстанию. Геродот пытается ссылкой на праздничную процессию в честь Деметры (Фесмофории) оправдать позорное поведение эфесцев по отношению к своим землякам ионянам.

[13] 681. В подлиннике γαῦλος (финик.) – слово, означающее определенный тип корабля (грузовой корабль).

[14] 682. Карфагеняне и этруски господствовали тогда в западной части Средиземного моря.

[15] 683. Милет пал, вероятно, осенью 494 г. до н.э., на шестом году ионийского восстания, которое началось в 499 г. до н.э.

[16] 684. В Дидимах был храм Аполлона со знаменитым оракулом (развалины храма у совр. Гиеронды). Ксеркс приказал перенести оракул в Бактрию. Часть милетян после взятия города была переселена в Бактрию.

[17] 685. См. выше. I 92; V 36.

[18] 686. Драма Фриниха не сохранилась. Это была первая известная нам попытка изобразить на сцене исторические события.

[19] 687. Речь о сторонниках так называемой народной партии, которые после изгнания тиранов ввели на Самосе демократию, а теперь решили эмигрировать в Сицилию. Напротив, беднота на острове стояла за подчинение персам. Персы вовсе не были защитниками греческой бедноты: они поддерживали любую партию, которая обращалась к ним за помощью (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 192).

[20] 688. Персы восстановили на Самосе, как и в других ионийских городах, власть тиранов.

[21] 689. Гистией укрепился в Византии, чтобы перехватывать идущие в Грецию корабли с грузом хлеба и блокадой заставить греческие города примкнуть к ионийскому восстанию.

[22] 690. Вероятно, одна из школ, где обучали чтению и письму.

[23] 691. Это сообщение – позднейшая вставка: на гористых островах, испещренных ущельями и расселинами, подобная тактика совершенно невозможна.

[24] 692. Ионийские города были покорены сначала лидийским царем Крезом, потом при Кире персидскими полководцами Мазаресом и Гарнагом и, наконец, в царствование Дария.

[25] 693. См. выше, V 117.

[26] 694. Византий и Калхедония были предмостными укреплениями персов уже во время скифского похода Дария I. Персы могли, опираясь на эти города, отрезать Грецию от понтийского хлеба. Египет – вторая страна, экспортавшая хлеб, была также в руках персов.

Поэтому грекам оставалось только импортировать хлеб из Сицилии.

[27] 695. Оракул, разумеется, заранее подготовленный, посоветовал долонкам обратиться к Мильтиаду, сыну Кипсела.

[28] 696. Священная дорога вела из Дельфов в Фокиде через Коронею и Фивы (в Беотии) в Амфику. На всем протяжении пути послы находились под покровительством божества, и поэтому благочестие предписывало оказывать им гостеприимство.

[29] 697. Род Мильтиада (как Алкмеониды и Писистратиды) возводил свое происхождение к героям Троянской войны.

[30] 698. Т.е. в самом узком месте фракийского Херсонеса.

[31] 699. Т.е. гимнастические состязания.

[32] 700. Пританей – служебное здание совета. Там находился алтарь Гестии, богини домашнего очага.

[33] 701. См. ниже, VI 103.

[34] 702. Из сообщения Геродота вытекает, что неудачный исход скифского похода Дария ослабил положение греческих тиранов на Геллеспонте.

[35] 703. Геродот возвращается теперь к событиям 493 г. до н.э.

[36] 704. Финикийские корабли, вероятно, подстерегали Мильтиада при выходе из Сардонического залива.

[37] 705. Имброс не был еще тогда захвачен персами.

[38] 706. Артафрен, сатрап II (лидийской) сатрапии, управлял тогда и I сатрапией, куда входили и греческие города. Определив территорию каждого греческого города, он обложил их соответственной податью и затем установил мир между греческими городами. Этими мерами персы привлекли на свою сторону влиятельные группы ионян и таким образом обеспечили себе тыл в предстоящей войне.

[39] 707. Именно весны 492 г. до н.э.

[40] 708. Под “эллинами” здесь имеется в виду Гекатей Милетский. Эллинские тирании оказались тогда для персов опаснее, чем так называемые демократии.

[41] 709. Македония была подчинена Бубару, уполномоченному сатрата Мегабаза (ср. выше, V 18–21).

[42] 710. Город Аканф получал большую выгоду от строительства Ксерксом Афонского канала и поэтому всемерно поддерживал предприятие.

[43] 711. Хронология источников Геродота здесь ненадежна. Эти события должны были относиться уже к 490 г. до н.э. – году Марафонской битвы.

[44] 712. Данные касаются годовой производительности рудников.

[45] 713. Отсюда следует, что еще до первого похода Дария в Греции образовался союз городов под руководством Спарты. Эгина – постоянный соперник Афин, закрывающая им выход в открытое море. По наущению Афин Спарта как общепризнанный вождь Элады

требует от эгинцев заложников в обеспечение того, что Эгина не станет на сторону персов в случае их нашествия.

[46] 714. Криос – баран.

[47] 715. Речь идет наряду с другим, быть может, о каком нибудь недошедшем произведении Гесиода.

[48] 716. Передаваемое здесь Геродотом предание не имеет никакого отношения к древним легендам о переселении дорийцев, а является измышлением поэтов на службе у правящих аристократических родов.

[49] 717. Геродот хочет здесь сообщить то, что рассказывали о происхождении спартанских царей в остальной Греции, кроме Спарты.

[50] 718. Геродот имеет в виду логографов.

[51] 719. Цари были верховными жрецами спартанского племенного бога и бога неба.

[52] 720. Цари занимали почетные места не только на празднествах, но и на общих обедах (сисситиях).

[53] 721. Два ежемесячных праздника у спартанцев были новолуние и день рождения Аполлона (седьмой день каждого месяца).

[54] 722. Проксенами в Спарте назывались избранные царями граждане, оказывавшие гостеприимство иностранцам и защищавшие их интересы.

[55] 723. Полученное предсказание оракула записывалось на коже и затем хранилось царями.

[56] 724. Речь идет о дочери – единственной наследнице, которая после брака приносила в семью мужа все свое имущество.

[57] 725. Имеется в виду охрана безопасности на дорогах.

[58] 726. Речь идет о заседаниях совета старейшин (геронтов).

[59] 727. Периэки, принадлежавшие к дорийским и додорийским племенам, обладали в противоположность совершенно бесправным илотам некоторыми политическими правами (например, местным самоуправлением). Наряду с воинской повинностью они должны были выставлять траурную свиту при погребении царей.

[60] 728. Имеется в виду погребальная песнь в честь покойного, в которой восхвалялись его заслуги.

[61] 729. Святилище Елены и Менелая (Менелайон) находилось к юго востоку от Спарты. Здесь, по преданию, были погребены Менелай и Елена. При раскопках святилища была найдена статуэтка нагой женщины (ок. 680 г. до н.э.). Подобные статуэтки в это время были еще редки.

[62] 730. В святилище Феба (Фебеон), по верованию спартанцев, были погребены Диоскуры.

[63] 731. Т.е. влияние эфоров тогда не было еще столь значительным, чтобы они в этом вопросе могли вступать в спор с царем.

[64] 732. Истец и ответчик перед началом процесса должны были принести клятву в том, что их утверждения истинны. Затем начинался суд.

[65] 733. Сообщение об этом случае показывает, насколько скептически относился Геродот к поступкам жрецов, изрекавших предсказания оракулов.

[66] 734. Речь идет об области Элиде.

[67] 735. Царь со свитой укрепился в аркадской Тегее, откуда и пытался захватить Спарту.

[68] 736. Уже Гомер и Гесиод упоминают Стикс. Водой этой реки у Гомера клянутся боги. Вокруг Стикса образовался религиозный центр аркадских племен.

[69] 737. Ср. выше, V 66.

[70] 738. Ср. выше, V 74.

[71] 739. Другую часть предсказания Геродот сообщает в VI 19. Для своего труда Геродот, по-видимому, пользовался сборниками предсказаний оракулов отдельным городам.

[72] 740. Дракон был знаменем воинов Аргоса.

[73] 741. По описанию Геродота выходит, что роща была окружена стеной, за которой укрепились аргосцы.

[74] 742. Речь идет о части додорийского населения, которое до того не имело никаких политических прав.

[75] 743. Под Фасисом имеется в виду р. Аракс. Скифы всякий раз вторгались в Мидию через проход у Дербента.

[76] 744. Здесь, по-видимому, следует иметь в виду нападения лидийских царей на ионийские города в первой половине VI в.

[77] 745. Опознавательные таблички, или “хирограф”, который предъявлялся при получении денег. На этом хирографе (на коже) дважды писали текст документа и между обоими текстами оставляли пространство, где писали слово “хирограф”. Затем в этом месте разрезали кожу пополам. При представлении хирографа обе половины должны были совпасть. Главк, по-видимому, уничтожил или спрятал свою половину хирографа.

[78] 746. Вымирание собственного рода было для тогдашних греков самой страшной угрозой.

[79] 747. Праздник в честь Посейдона праздновался в его храме в Сунии (мыс на юге Аттики). Знатнейшие афиняне отправлялись туда на государственном корабле.

[80] 748. В подлиннике παχέες (толстые, жирные) – крупные торговцы. Они скопили себе капиталы на понтийской торговле хлебом или на эксплуатации серебряных рудников в Фессалии. Их противниками были разоренные хлебным экспорттом мелкие крестьяне и городские ремесленники.

[81] 749. Эгинцы нарушили право убежища храма Деметры.

[82] 750. Цифры указывают лишь на то, что сумма, наложенная на Сикион и Эгину, была очень велика. Так, подати с ионийских городов и персидской сатрапии составляли только 300 талантов серебром (ср. выше, III 90).

[83] 751. Греческое пятиборье – это состязание в прыжках, беге на скорость, метании диска, метании копья и борьбе.

[84] 752. Неудачное нападение сатрапа Мегабата и тирана Аристагора на Наксос послужило внешним поводом к ионийскому восстанию (ср. выше, V 33–34).

[85] 753. Делос, по преданию, был местом рождения Аполлона и Артемиды. Приведенный эпизод показывает, как персы старались оказать уважение чужеземным богам.

[86] 754. Речь идет о количестве ладана ценностю в 300 малантов. Числа приведены для указания огромного количества.

[87] 755. Геродот подводит здесь итог за время от начала Персидской войны в 490 г. до н.э. до первого периода Пелопоннесской войны (от 431 до 421 г.).

[88] 756. Объяснение Геродотом персидских трех царских имен показывает, что он совершенно не знал иранских языков.

[89] 757. Ср. V 77. Эти клеруки оставались афинскими гражданами и числились в списках граждан.

[90] 758. Высадившись в области Эретрии, Датис находился поблизости от Беотии, где существовала сильная проперсидская партия, и от Аттики – непосредственной цели его похода.

[91] 759. Каждая из десяти аттических фил являлась также и военной единицей, которая выставляла отряд, состоящий из гоплитов и всадников, и выбирала стратега (командира). Номинально во главе всего войска стоял полемарх, а фактически командовали поочередно 10 стратегов.

[92] 760. Кимон был убит после своей олимпийской победы в 524 г. до н.э.

[93] 761. Имеется в виду дорога, начинавшаяся у Мелитских ворот и шедшая на север вдоль холма Муз. Коілη (лощина) – район Афин к западу от Пникса.

[94] 762. Дорога, по которой шел скороход, вела из Аргоса через Гисии и гору Парфений в Тегетю и оттуда в Спарту.

[95] 763. Так называемый гром Пана в Афинах находился между акрополем и ареопагом.

[96] 764. Спартанцы справляли в это время праздник Карнеи. Когда послы прибыли в Спарту, оставалось еще 9 дней до полнолуния и конца праздника. Марафонская битва произошла уже 12 сентября 490 г. до н.э.

[97] 765. Афиняне укрепились за стеной, окружавшей рощу святилища Геракла.

[98] 766. Платейцы не вступили в Беотийский союз во главе с Фивами.

[99] 767. Полемарх – член коллегии из 9 архонтов, которые тогда управляли Афинами. Коллегия состояла из архонта эпонима, архонта басилея (царя), полемарха и 6 фесмофетов. Архонт эпоним, по которому назывался год, в это время решал вопросы, связанные с семейным и наследственным правом. Архонт басилей был верховным жрецом и председателем ареопага. Полемарх – первоначально главный военачальник – фактически в это время не имел военной власти. Фесмофеты исполняли только судебные обязанности.

[100] 768. На правом фланге в бою занимал место когда-то афинский царь. Теперь это почетное место по наследству перешло к полемарху.

[101] 769. Геродот изображает атаку фаланги гоплитов. Эта фаланга – тесно сомкнутая боевая колонна, глубиной в 8–12 шеренг – при Марафоне в центре состояла только из немногих шеренг (ввиду большого расстояния до врага). При этом нужно было избегать, чтобы при продвижении оба крыла не столкнулись в центре и шеренги не потеряли строя. Фаланга должна была достичь вражеской линии в сомкнутом строю и прорвать ее. Атака фаланги афинян при Марафоне оказалась успешной потому, что персидская конница была уже посажена на суда (да и вообще у персов в этом походе было мало конницы). Поэтому впоследствии Ксеркс велел построить специальные корабли для перевозки конницы. Победа при Марафоне имела преимущественно моральное значение для греков, разрушив представление о непобедимости персов. Военное значение битвы было незначительно (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 197).

[102] 770. У персов полководец в противоположность грекам находился в центре боевой линии; его окружали телохранители и отборные сакские отряды.

[103] 771. Персы огибали южную оконечность Аттики в направлении к Афинам.

[104] 772. Геродот точно передает число павших в битве на основании официальных списков погибших.

[105] 773. Датис, вероятно, решил возвратить похищенную статую из внимания к персофильской партии в Беотии.

[106] 774. Геродот описывает метод перегонки нефти с выделением асфальта и песка, содержащего сырую нефть (песок он неправильно называет солью).

[107] 775. Лакуна в тексте (по Кобету).

[108] 776. Из описания Геродота выходит, что тогдашняя добыча сырой нефти ограничивалась добыванием масла. Упомянутые месторождения нефти, вероятно, находились недалеко от современной иракско-иранской границы. Персы называли нефть "раданак".

[109] 777. Архонтом эпонимом во время Марафонской битвы был Фенипп, отец Каллия. Каллием же звали также отца Алкмеонида Гиппоника (стратега 426 г.). Этот Каллий, конечно, не мог быть современником Писистрата. Здесь Геродот допустил ошибку.

[110] 778. Ср. I 46–55.

[111] 779. Алкмеон был в Сардах ок. 570 г. до н. э., значит Крез не мог встретиться с ним.

[112] 780. Геродот, очевидно, имеет в виду 47 ю Олимпиаду (592 г.). Этую победу упоминает и Пиндар (Пиф. VII, 14).

[113] 781. Геродот передает, по-видимому, содержание стихотворения, восхвалявшего Алкмеонидов. Свадьба Мегакла и Агаристы изображается по образцу мифической свадьбы Пелея и Фетиды.

[114] 782. Сибарис разрушен в 510 г. до н.э. кротонцами.

[115] 783. В подлиннике та метра (меры и вес).

[116] 784. Не жертва в сто быков, но только богатая праздничная жертва.

[117] 785. Грубо комические пляски, даже непристойного характера.

[118] 786. Геродот упоминает рождение знаменитого афинского государственного деятеля Перикла, смерть которого он еще пережил.

[119] 787. Подземные богини – Деметра и Персефона. Мильтиад думал, завладев священными сосудами (утварью) богини, которым приписывалась волшебная сила, захватить город.

[120] 788. Речь идет о стене, окружавшей священный участок и рощу храма.

[121] 789. В аттическом судебном процессе прежде всего разбирался вопрос: виновен или невиновен. После вынесения вердикта о виновности защита имела право произносить защитительную речь о смягчении наказания.

[122] 790. Лемнос завоевал не Мильтиад, марафонский победитель, а его тезка предок, современник Писистрата. Пеласги были жителями области Пеласгиотиды в Фессалии.

[123] 791. Так называемая пеласгическая стена принадлежала еще к микенской эпохе (1600–1200 гг.). Очевидно, ионяне пришельцы, по преданию, еще не были знакомы с техникой постройки стен и поэтому прибегали при сооружении укреплений к помощи пеласгов.

[124] 792. По этому сообщению, пеласги превосходили ионийских пришельцев в умении обрабатывать землю.

[125] 793. Геродот передает очень древнее предание о борьбе пеласгов с ионянами за владение источником Каллироей. Этому источнику при Писистрате стал называться Эннеакрунос: над ним было построено здание с девятью выходами отверстиями, через которые текла вода.

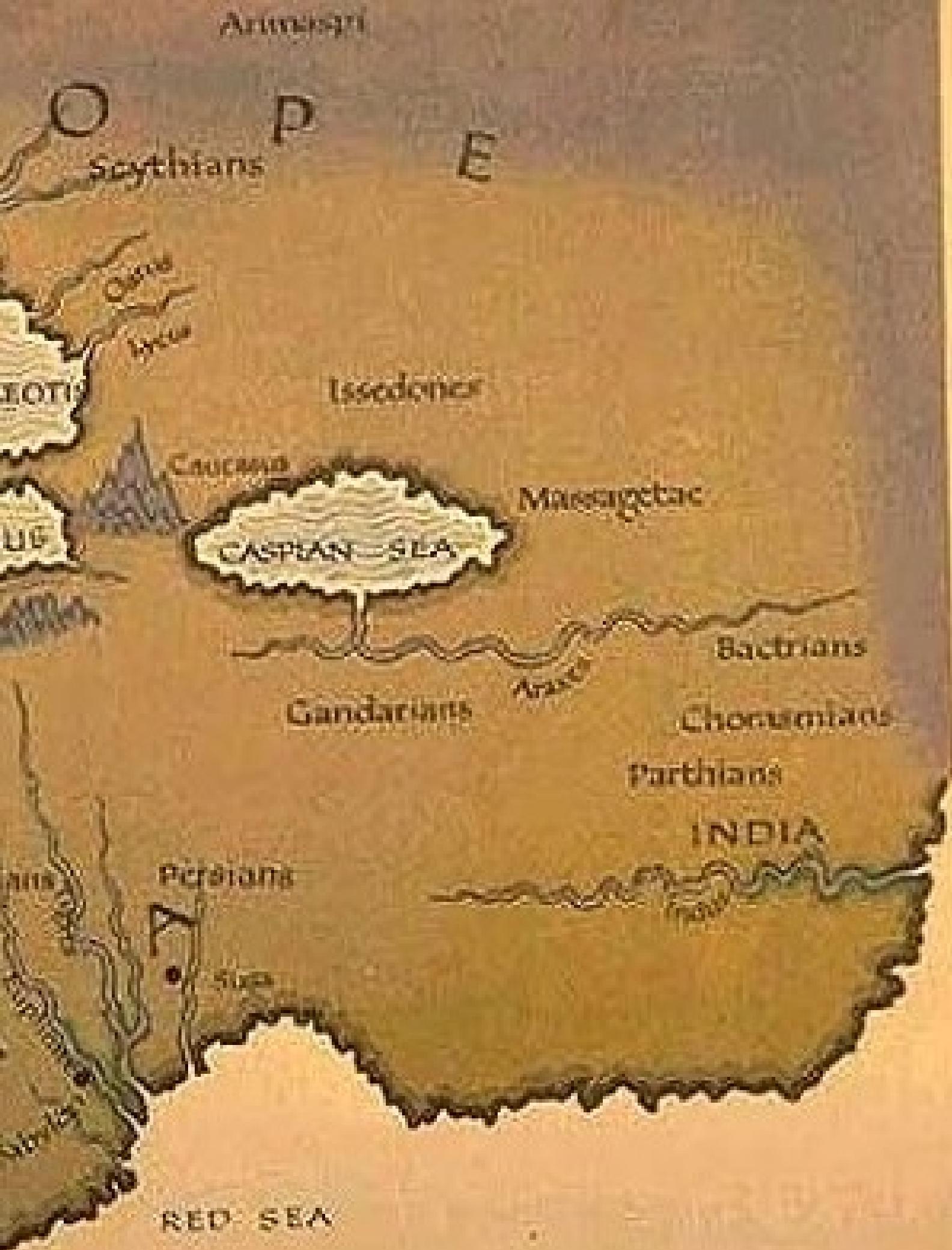
[126] 794. Пеласги на Лемносе, вероятно, осели из Фессалии.

[127] 795. Ср. IX 114–118. Афиняне захватили Геллеспонт еще в 479 г. (в год битвы при Платеях).

[128] 796. Дело идет о событии из времен войны Афин против Фасоса в 466 г., когда полководцем был Кимон, отец, упомянутого здесь, Мильтиада.

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (*Cic. De leg. I, 1*): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стиической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Руth. I, 94; Нем. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказывать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидida или бывших их современниками(4).

Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ – ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением *fuerunt ante Homerum poetae*, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидida произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин *ξυντίθέναι* («составлять», «складывать») вместо термина *ξυγγράφειν* и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннессской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Денох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милемянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннессской войны и до времени Фукидода жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец, и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали греческие дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидida, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы мильтян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάκης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (*De rubro mari*, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (*Τερίοδος γῆς*). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмысливать стариные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии.

Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.
2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. Р., 1868—1883), ценные не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скучными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря *Суды Ἡρόδοτος, Ταχύδοτος, Ἐλλάνικος*). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгинь в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как островумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни.

Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибываю в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец, быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милемской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал.

Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Именского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечает С. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком (17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святилище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Промагор, афинский политический деятель Ксенократ, милемский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22).

Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила.

Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἕροδότου Θουρίου ἥδ' ιστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец, представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἕροδότου Ἀλικαρνασσέος ιστορίης ἀπόδεξις ἦσε (Это есть изложение исследования Геродота галикарнасса). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассыем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления действиях, совершенных частью элинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.
2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеют здесь в виду Геродот.
3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Ном. Од. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идеи до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рамисинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овett предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 – VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» – VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесме труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «дополнениями» (προσθήκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмысливать со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычай варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказывать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим с нам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рамисинита (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвальиться красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые высступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине антической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рамисинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном (39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знаменные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, плащ, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все том же губительный сон (οὐλός ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ама заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливющий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на сушу произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывающихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских голливотов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Элады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнаса, входившего в состав персидской державы).

Правители Галикарнаса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнаса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аттику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общегосударственного дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени) знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиришестве, которое фиванец Аиттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиришестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннессе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочтеть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннессской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то часть их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46).

Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества.

Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной эту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенno важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) Внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о происхождении Рамисинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возведения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456–454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, настурбализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Метиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиету (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99).

Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (öψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίῃ и γνώμῃ).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во Введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этом передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова (59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидиду, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вошли в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в начальном состоянии (60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых арийцах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Сапской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

Важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказалое Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд подхватимства у скифов, при котором братавшиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованы, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соотвествия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или минимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Задеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц, (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин».

Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культурам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к ставленным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он намекивает на объяснение событий путем вмешательства посторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12–14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — добродоязенный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшим к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплакивается его далекий потомок Крез). Божество зависимо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависимость божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непрекаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе большие счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и том египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал пучты и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань стаинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себяδιογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее.

Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслиении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоящие нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытых в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истру (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км². Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в том раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний (76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отзававшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидаe, саспирсы, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» высступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к Востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на Востоке и на Севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ, богини Нейт (он называет ее Афиной) о Верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания вокруг Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ, и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, том поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωμαστά — 11) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаем: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически первым этнографом Европы (80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (*Cic. De leg. I, 1*), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (*Artax. I*), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), отменок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких странниц истории этого прошлого были греко-персидские Войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитывать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого комилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придиличной и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенno важен труд Хигнетта, защищившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различия материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитированной здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К Вопросу об источниках и добросовестности Геродота»
(ЖМНП, 1888, июль).

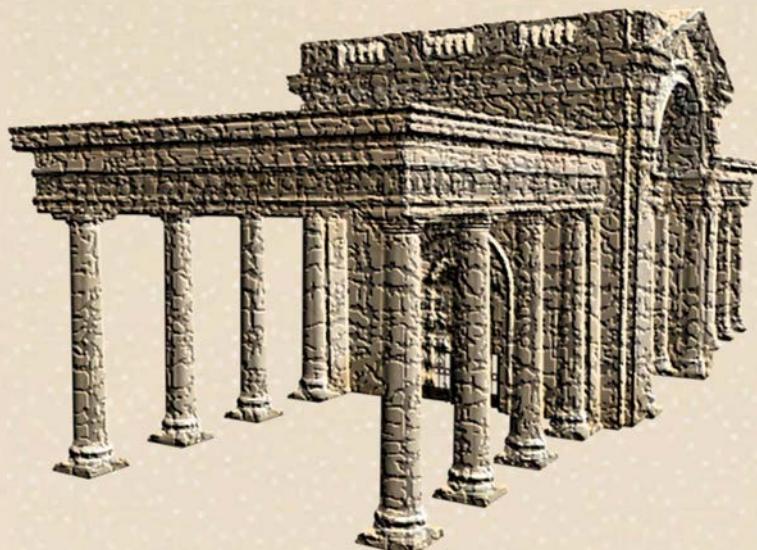
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остroумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδιγός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядашей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (*ιστορία*) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».
2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.
3. См.: E. Hoffmann. *Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt*. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. *Logographen*).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (1 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. *Logographen*.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 В Jacoby (F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotus. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнегреческой образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotus. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 слл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Панремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S. Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. *Xerxes' Invasion of Greece*. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнетт (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. *La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger*, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милемянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. *Hérodote*. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Полени (M. Pohlenz. *Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡρόδοτου Θουρίου, следуя Якоби (*Herodotos*, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «действия», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Полени (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Romp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, действие» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Хен. Сугор. I, 1, 5; I, 4, 25).

Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. *Die Anfänge der griechischen Literatur*. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (*Herod.* 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. *Herodotos*, S. 281. Якоби, следя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. *Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks*. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идеи написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — это совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. *La composizione della storia di Erodoto*. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J. Vogt. *Herodot in Ägypten. Genethliakon* W. Schmid. Tübing. *Beiträge z. Altertumswissenschaft*. N. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежитalexандрийским грамматикам.

31. W. Aly. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милетского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплему на милетский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὕ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει (Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец, Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A. Piatkowski. *Le sourire ironique d' Hérodote*. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. R. Stahl. *Herodots Gyges-Tragodie*. *Hermes*, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. *The Purpose of dramatisation in Herodotus*. *Historia*, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. *Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot*. *Klio*, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (*Herodotos*, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. *Politisches Denken bei Herodot*. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. *Marathon*. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. *Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature*. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 слл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. *Das Nationalbewusstsein des Herodot*. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. *The cult of Harmodius and Aristogeiton*. *Philologus*, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными
освободителями Афин... имеет в своей основе информацию,
предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда
см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль
Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить
Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с
Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3, p. 466 B), но, как
замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p.
157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в
Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был
уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока,
каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир,
поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из
преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее
знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т.
II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963,
стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).
55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герифельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).
56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.
57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.
58. C. Hignett, op. cit., p. 30.
59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действитель но опрашивал представителей каждого народа...»
60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.
61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.
62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.
63. Б. Н. Греков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).
64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.
65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 слл.

66. С. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СХХV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotus, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтверждеными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (*Геродот и его место в древнеэллинской образованности*, стр. СХХVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (*Не в меру строгий суд над Геродотом*, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц, при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культурами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 слл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «Не в меру строгий суд над Геродотом» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. Herodotus I—III. The ancient empires of the East. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шнигельберга, на которые ссылаемся Майрс (указ. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. *Ionische Geschichtsschreibung*. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. *The Great Persian War*. London, 1901; J. Kromayer. *Antike Schlachtfelder*. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. *Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes*. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо большие знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (15).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хелльманн (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Verve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, различие рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (*Herodoti Historiae. Recognivit breve adnotacione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912*), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) *Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964*; 2) *Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963*; 3) *Die Geschichten des Herodotus, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.). Комментарии: 1) Herodotus. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886; 2) Herodotus, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875; 3) W.W. How and J. Wells. A*

commentary on Herodotus, with an introduction and
appendices. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту:
A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition.
Hildesheim, 1960.

Прочая литература, использованная переводчиком

- А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
- В.В. Ламышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
- С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
- С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
- В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
- В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
- Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
- J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
- Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
- F. Jacoby. Herodotos. Pauly-Wissowa. Realencyklopädie d. klassischen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
- E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Список сокращений

Аkk. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

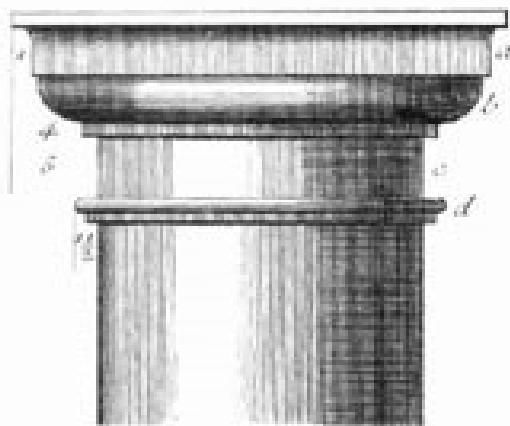
Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

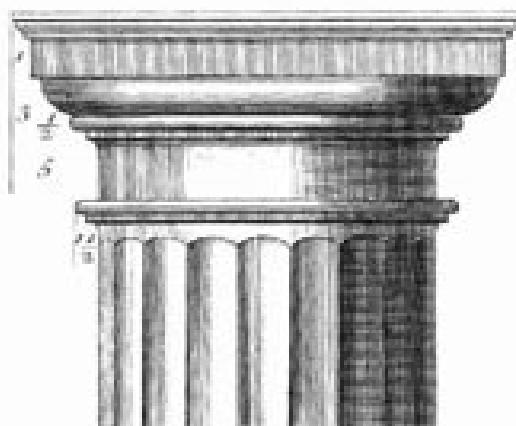
Финик. — финикийский.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique
Moderne.

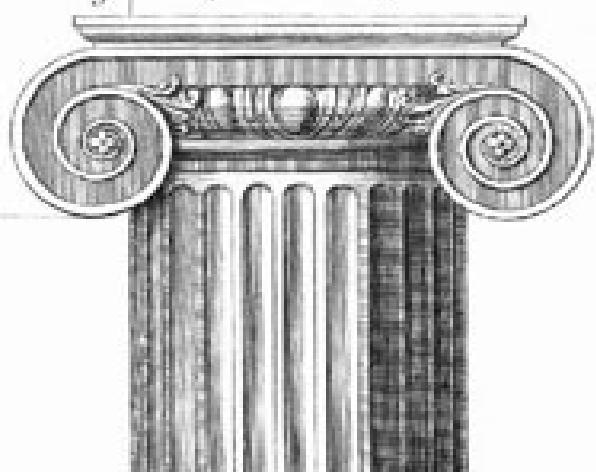
Chapiteau Tessan.

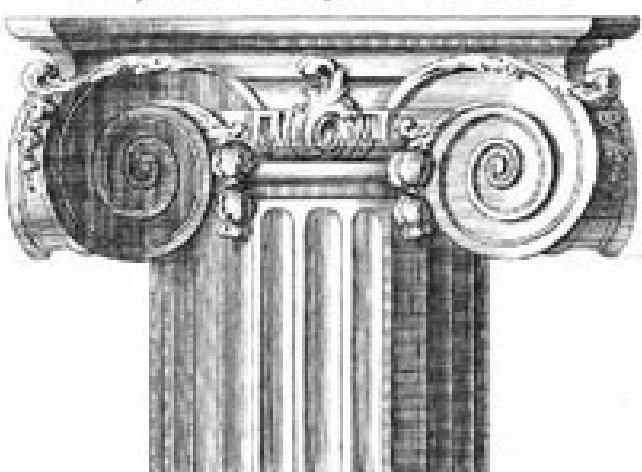
Chapiteau Dorique.

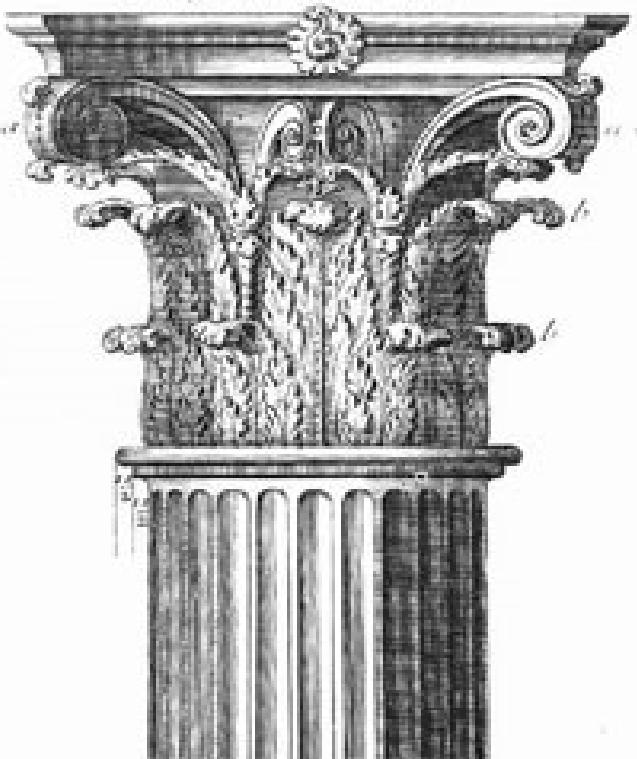
Chapiteau Ionique.

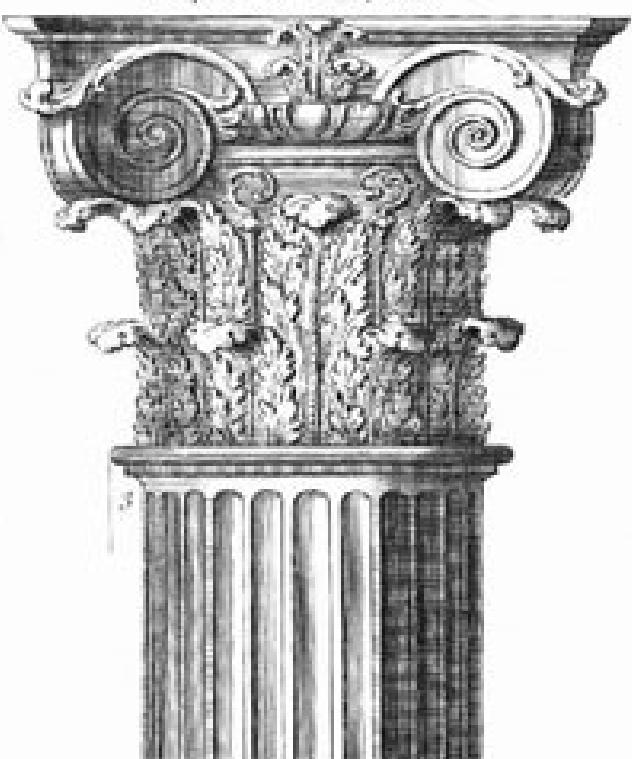
3. Modèle, ou 24 minutes.
Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Corinthe.

Chapiteau Composite.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плеффр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Комила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрем. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История. Книга 6-я. Эрато (обл.)	стр.1
Геродот. История. В девяти книгах – 2017	стр.3
От редакционной коллегии	стр.5
Бюст Геродота. Музей в Неаполе	стр.9
Эрато – муз любовной поэзии	стр.11
Книга шестая. ЭРАТО	стр.14
Примечания. Г.А.Стратановский	стр.78
Вкладка «Карта мира по Геродоту»	стр.94
В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота»	стр.96
От переводчика (Г.А.Стратановский)	стр.181
Античные меры	стр.186
Содержание	стр.188
Форзац	стр.189
Обложка	стр.190

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга шестая. ЭРАТО

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: YODA

Ответственный за выпуск: YODA

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 19.02.2017

Формат документа: (А4) 27,9 x 21; 190 стр.

Тираж: Без ограничений.

«ИСТИННО МУЖЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК
ДОЛЖЕН ОБНАРУЖИВАТЬ РОБОСТЬ В
ТО ВРЕМЯ, КОГДА НА ЧТО-ЛИБО
РЕШАЕТСЯ, ДОЛЖЕН ВЗВЕСИТЬ ВСЕ
СЛУЧАЙНОСТИ, НО ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
НЕОБХОДИМО БЫТЬ ОТВАЖНЫМ »

ГЕРОДОТ